

Характерный поступок Данилы Филипповича

Уважение к письменному тексту в русском человеке непоправимо отсутствует. Считаюсь едва ли не самым читающим народом в мире, мы внутренне не доверяем книгам, прекрасно зная, что даже если авторы этих книг – порядочные и искренние люди, текстовая отливка их мыслей заведомо искажена: «книга – это книга, а человек – это человек» – размышляем мы про себя, с недоверием оглядывая толстые фолианты.

Для того, чтобы их написать, гениальным быть вовсе не нужно – вспышка стихийного озарения есть строжайший враг кропотливого ученичества: «классики» в русском понимании становятся таковыми не в силу своих «сочинений», а в силу того, что они УЖЕ являются классиками (тексты не значат ничего), и уж потом – в силу своей народности, своей мистичности, в силу сугубо индивидуального баланса фантастичности и реализма – они признаются таковыми со стороны своих почитателей. Чтобы стать «великим русским писателем» вовсе не обязательно уметь писать – рукописи Гоголя или Толстого повергли бы в ступор любого современного редактора – нужно лишь быть «великим русским», а всё остальное народ «добавит от себя».

Вместо написанных текстов мы уважаем лишь **дух народа**. Это – совершенно необъяснимое понятие; никакое точное определение, никакая книжная формулировка не способны его передать – как сказал бы Василий Розанов, воспринять его можно лишь «обонятельно и осязательно».

Сильная энергетика «духовной русскости», сокровенные токи народной пневы, непритязательная простота ошарашивающего поступка – всё это было в том человеке, о котором сейчас пойдёт речь.

Обычный крестьянин Юрьевского уезда, отданный в солдаты, но сбежавший со службы и перебравшийся в Муромский уезд Владимирской губернии, Данила Филиппович вошёл в историю как первый организатор и чуть ли не главный культовый персонаж секты людей Божиих. Если рядовые хлысты и хлыстовки, по их собственным представлениям, суть «Христы и Богородицы», то есть «малые боги, ходящие во плоти» («люди Божьи»), то Данила Филиппович – это «Большой Бог», «Сам Господь Саваоф» – как величал себя Данила и как пели в «роspěвцах» его преданные адепты.

«У нас было, на сырой земле,
Претворились такие чудеса:
Растворились седьмые небеса,
Сокатилися золотые колеса,
Золотые – ещё огненные»¹.

Пришедший с небес Спаситель был Богом-Отцом, породившим «в Духе» множество сыновей и дочерей, которые составили впоследствии первый «корабль» (мистическое братство). «Таким образом, сей Божественный учитель – Верховный Гость, Богатый Данило Филиппович проповедовал своё учение долгое время. Сошёл на землю во славе своей за 15-ть лет до рождения сына своего Иисуса Христа, родившегося, по предсказанию пророков и Самого Бога, в имени Ивана Тимофеевича»². Однако с чего же всё начиналось?

По версии самих христоверов, общины которых существуют кое-где и поныне, первое своё Откровение Данила получил в 1631 году. Уйдя в глухие леса, Данила встретил там мудрого старца Капитона – человека, навсегда переменившего его жизнь и ставшего его главным духовным учителем. Старец Капитон был, фактически, живой иконой: измождая и «зануздывая» свою плоть строжайшим постом, постоянными поклонами, старец носил на себе трёхпудовые вериги (около 50 кг. металла) и спал на железном крюку, больно впивавшемся ему под ребро. Ключевым словом этого сурового аскета было слово «самоуморение» – даже на Пасху последователям Капитона вместо окрашенных яиц предлагали «червлёного и горького цибула, сиречь луковицы»³. Эти багряные сгустки горечи были знаком неприятия не только самой человеческой природы (заведомо порченной и прогнившей), но также и официальной церкви, предлагавшей в пасхальные дни веселиться и ликовать.

Расхождений с последней у Капитона было достаточно – сам Троицкий догмат старец толковал так, «яко бы Отец посылает, а Сын не ведает»⁴ – то есть в духе строжайшего начётничества, представляющего послушников

---

¹ Розанов В.В. Апокалипсическая секта. (Хлысты и скопцы). // Розанов В.В. Собрание сочинений. Возрождающийся Египет. – М.: Республика, 2002, с. 415.

² Айвазов И.Г. Материалы для исследования русских мистических сект. Вып. I. Христовщина. Пг., 1915, с. 59.

³ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. – М.: Церковь, 1995, с. 149.

⁴ Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. – М.: Наука, 1986, с. 76.

полностью подчинёнными духовному отцу, равно как и Бога-Сына – Богу-Отцу. В преддверии Страшного Суда Капитон призывал создавать общины верижников-железоносцев и строгих постников. Неприятие отступнических властей было настолько сильно, что один из последователей Капитона начал проповедовать в Суздале, будто царь Алексей – вовсе и не царь, а просто «рог», то есть, первый признак явления Антихриста...

Прямыми учениками «капитонов» были старообрядцы. Сходство этих духовных направлений говорит само за себя. И те, и другие были суровыми аскетами, проповедовали Конец Света, призывали не следовать отступнической власти, смотрели на церковь косо, не видя в реформе Никона («Никоновых новинах») ничего кроме вторжения Зла. «Злая воля царя и патриарха дала церкви искажённые книги», «по книгам этим не то что спастись, но и литургию служить нельзя» – говорили последователи Капитона и ревнители старой веры.

Совсем по-другому рассуждал Данила Филиппович. В то время, когда старообрядцы и капитоны неистово обличали никониан, доказывая им, по каким книгам спастись можно, а по каким – нельзя, Данила собрал и те и другие книги в единый тугой кулёк, оттащил его на Волгу и, прибавив для тяжести пару камней, выбросил его в реку с громким возгласом: «Трястися надо, трястися!»

С этого восклицания, смысл которого будет раскрываться на протяжении всей настоящей статьи, начинается история христоверчества или хлыстовства. Так что же имелось ввиду?

Пляска Саваофа

Имелась ввиду ритуальная хлыстовская пляска, которой Данила Филиппович тут же обучил своих первых последователей в окрестностях Стародуба, где и состоялось первое хлыстовское откровение. В мифологии христоверов это – крайне важный сюжет, без которого непонятной становится сама специфика этой секты.

В Стародубской волости, как рассказывает хлыстовское предание, в окружении сотен ангелов, архангелов, херувимов и серафимов на гору Городину «сокатил» (то есть спустился) Сам Господь Саваоф. Сойдя со своей огненной колесницы, Он отослал обратно на небо верное свое воинство («Саваоф» переводится с иврита как «Бог Воинств») и остался на земле, приняв человеческое обличье Данилы Филипповича.

Как мы знаем, Данила Филиппович к тому моменту (около 1631 года) уже существовал, и потому Саваоф просто заменил ему внутреннюю сущность,

оставив телесную оболочку в полном порядке. Отныне Данила Филиппович превратился в «живого Бога» и стал именоваться среди *своих людей вольных* «Верховным Гостем», «Превышним Богом» или «Богатым Гостем». По существу, мы имеем дело с типичной для манихейства концепцией «Небесного Близнеца»⁵, то есть разумной эманации Света, проявляющейся в мире под разными оболочками, отчего сама она не умаляется, а носители этих оболочек (в манихейской истории – Орфей, Мани, Пифагор, Зороастр и т.д.) оказываются тождественными. Эта Световая Сущность Близнеца открывается отнюдь не каждому, и в полном виде присутствует лишь в посланных свыше вероучителях или «Живых Богах». Остальным же даётся быть лишь «людьми Божьими» – помощниками и служителями этих Богов.

Ощувив себя Саваофом, Данила Филиппович водворился в деревне Старой, что находится неподалёку от Костромы. Именно сюда стали собираться для выполнения культовых практик «люди Божии», почитавшие Данилу Филипповича как Саваофа, а тот дом, в котором он временно проживал – как «Дом Божий». Город Кострома тут же стал называться «Горним Иерусалимом», а кружившие вокруг Данилы восторженные «менады» превратились в «Богородиц».

Живое слово «Верховного Гостя» было для них последним авторитетом – всякие споры книжечеев быстро отступили на второй план. «Зачем читать книги, когда сам Бог среди нас?» «Зачем нам Ветхий Завет, писанный по-еврейски, когда сам Бог Саваоф стоит среди нас и говорит по-нашему?» – примерно так рассуждали последователи Данилы, быстро сплотившиеся в крепкую харизматическую общину.

Ради блага всего человечества, а также ради расширения этой конкретной общины Данила Филиппович стал обучать её членов методу экстатической пляски «до измора», а также давать знание о Боге, мире и человеке. Первые речи этого Саваофа были дарованием заповедей.

Двенадцатая заповедь

Казалось бы, это – абсурд. Зачем человеку, с усердием утопившему целую кипу церковных книг, выразившему этим поступком своё резкое неприятие крюкотворческих споров, создавать новые книги? Зачем послушнику старца Капитона, верующему в Иисуса Христа и признающему все Откровения, с Ним

---

⁵ *Кефалайя* («Главы»). Коптский манихейский трактат. – М.: Вост. лит., 1998, с. 393 сл.

связанные, выдвигать какое-то новое Откровение, и, тем более, давать свои заповеди?

На самом деле, за этим стояла особая логика – логика мифа, логика тождества и самозванчества. Первый её закон – это «закон метаморфозы: любое существо или вещество может быть обращено по воле Бога в любое другое»⁶.

Второй закон этой логики – это «закон абсолютного достижения цели». Он «определяет абсолютность преодоления препятствия или разрешения заданной герою задачи. Отсюда – выполнение невыполнимого, достижение недостижимого, осуществление неосуществимого»⁷. «Таким образом логика чудесного замещает закон исключённого третьего законом неисключённого третьего и тем самым создаёт положительное понятие абсурда: ибо в мире чудесного не существует *reductio ad absurdum* (сведения к нелепости).

В нём нет нелепого – в нём всё лепо»⁸. Отсюда и Данила Филиппович – это вовсе не Данила Филиппович, а Тот Самый Бог Авраама, Исаака и Иакова, Который в своё время давал десять заповедей народу иудейскому. Теперь, по той же самой логике мифического тождества этот Бог даёт двенадцать заповедей народу русскому, от которого и выбран был Данила Филиппович.

«Идёт слово от пророка, -
Катит солнце со востока.
Поживём мы, братцы, вкупе, –
За нас батюшка заступит»⁹.

Взойдя на высокий «Синайский» холм, хлыстовский «батюшка-Саваоф» громко возгласил:

1. «Аз есмь Бог, пророками предсказанной, сошел на землю для спасения душ человеческих. Несть другого бога, кроме меня.
2. Нет другого учения. Не ищите его.
3. На чем поставлены, на том и стойте.
4. Храните Божьи заповеди и будете Вселенной ловцы.

---

⁶ *Голосовкер, Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987, с. 31.*

⁷ *Там же.*

⁸ *Голосовкер, Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987, с. 40.*

⁹ *Народные духовные стихи. – М.: Русская книга, 2004, с. 409.*

5. Хмельного не пейте, плотского греха не творите.
6. Не женитесь, а кто женат, живи с женою, как с сестрою. Неженитые не женитесь, женимые разженитесь.
7. Скверных слов и сквернословия¹⁰ (в другом варианте – «чернословия») не говорите.
8. На свадьбы и крестины не ходите, на хмельных беседах не бывайте.
9. Не воруйте. Кто единую копейку украдет, тому копейку положат на том свете на темя, и когда от адского огня она растопится, тогда только тот человек прощение примет.
10. Сии заповеди содержите в тайне, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутом будут бить и огнем жечь – терпите. Кто вытерпит, тот будет верный, получит Царство Небесное, а на земли духовную радость.
11. Друг к другу ходите, хлеб-соль водите, любовь творите, заповеди мои храните, Бога молитесь.
12. Святому Духу верьте»¹¹.

Любая подборка заповедей, предлагаемых той или иной религией, имеет какое-то средоточие. Если его убрать, то вся система предписаний неминуемо рассыплется или станет бессмысленной. В случае христианства этой стержневой заповедью является заповеди «двойкой» любви – любви, обращённой к Богу и ближнему (Мф. 22: 37-40). В случае иудаизма это, вероятно (если не брать в расчет знаменитые 613 заповедей Талмуда), – заповедь строгого монотеизма. Какая же заповедь была центральной в кодексе Даниила Филипповича?

На протяжении столетий находились авторы, выдвигавшие в качестве таковой заповедь «хлыстовского целибата» (№ 6). Однако это – всего лишь бытовое предписание, действительно выделявшее хлыстов из среды православных, но вряд ли достаточное для того, чтобы в кругу прочих заповедей претендовать на главенство. Главным редко бывает то, что строго функционально – а заповедь «небрачевания» – это предписание вполне конкретное, имеющее свою функцию. Таковой лишены только первая и последняя запо-

---

¹⁰ Под скверными словами хлысты понимают известные русские ругательства, под сквернословием – упоминание слов: дьявол, чёрт, бес и т.п.

¹¹ Мельников П.И. (Андрей Печерский). Тайные секты. // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. – М.: Правда, 1976, с. 89-90.

веди, внутренне симметричные и чудовищно противоречащие друг другу¹². Причём стоит заметить, что первая из них говорит о той Сущности, которая вселилась в Данилу Филипповича («Бог Саваоф»), а последняя – о той Сущности, откровение Которой может (и должен!) получить каждый хлыстовски-верующий. В этом смысле двенадцатая заповедь как бы вбирает в себя первую, ибо при доверии Святому Духу каждому может открыться полнота Божественной истины, предполагающая уникальную божественность Данилы Филипповича.

Но что значит – «верить Святому Духу»? На языке людей Божиих это означает не только «молитву Духом» – стяжание Духа посредством особой экстатической психотехники («кружения в Духе»), но также и осознание себя Духом, в процессе которого происходит открытие собственной Божественности. У хлыстов говорилось, что на правильно совершающих радетьельный ритуал Дух «накатывает», а вышедшие из хлыстовщины скопцы распевали на этот счёт следующий стишок:

«Уж вы голуби, уж вы белые!
Вы летайте, голуби, клюйте “пшеницу”,
Клюйте — не крошите. Богу не грешите!
А-ай Дух, а-ай Дух!
Кто радеет, не робеет, ризы белые наденет,
Того батюшка жалеет.
У кого плоть-то крепка, дай хорошего трепка.
А-ай Дух, а-ай Дух!»¹³.

После «хорошего трепка» («капитоновски» долгого поста, коленных прекло-нений, отказа от водки, супружества и «чернословия») достигалась необхо-димая степень «самоуморения», после которой внезапно открывалась духов-ная реальность. Показательно, что само наитие Духа называется в хлыстов-ской традиции «накатыванием» – это предполагает, что Дух как бы округл – подобно тому, как «круглы», по описанию христианско-гностического скопца Оригена, античные Боги.

---

¹² На этот факт одним из первых обратил внимание прот. В.Ф.Барбарин, посвятив-ший разбору хлыстовских заповедей отдельное исследование: *Барбарин В.Ф. Хлы-стовщина. Разбор двенадцати заповедей основателя хлыстовщины Данилы Филиппо-вича.* – М., 1890, с. 61.

¹³ *Прудковский*, Голос из могилы живых мертвецов. Записки скопца // Журнал рома-нов и повестей, издаваемый редакцией «Недели», 1882, № 1, январь, с. 168–169.

Однако перед тем как «накатить», духовная сущность Христа, Богородицы или Святого Духа как бы катается между двумя мирами – в междумирии семи небес. Затем она скатывается вниз, кружит по земле, беседует с голубятками, «звонит в золотую верву» и снова закатывается наверх.

Эта сферически-круглая форма, открывшаяся в опыте духовидцев Поволжья, есть форма Солнца и ангельских сфер – распахнутые «седьмые небеса», «сокатившиеся» золотые колеса – это элементы архаической индоевропейской картины мира, где всё по-настоящему прекрасное и совершенное напоминает круг. Поэтому у Ксенофана про Божество говорится, что оно – шарообразно, а платоновский Демиург посредством вращения округляет Космос до состояния Сферы. По этой же причине Демокрит утверждает, что «Бог есть Ум в шарообразном Огне», Анаксимандр говорит о шарообразной Земле, пифагорейцы – о шаровидном Космосе, а так называемый «атомист» Левкипп – об очень плотных частицах, образующих между собой «некоторое шарообразное соединение»¹⁴. Подтверждая нашу идею, осуждающие христоверчество миссионеры рапортовали своему епархиальному начальству: «Круг у них (то есть, хлыстов – А.К.) есть ничто иное, как душа всех праздников и таинств их, без коего они никакого празднества не начинают и не совершают. <...>. Круг есть первейший предмет всех их глупостей»¹⁵.

Согласно духовному учению хлыстов, по кругу же движется вся история: когда цикл одного из «Христов» (воплощений Божьего Духа) завершается, его «в Духе» (но нередко вдобавок и во плоти) восхищают на Небо, после чего на какое-то время затихает пророчество и водворяется **древнее молчание**. Оно подобно морскому затишью – паруса кораблей опущены; повсюду царит сонный дрейф и какое-то смутное ожидание. В этот период не слышно Божьего гласа, смолкают пророки, грустят белые голубятки.

Затем, по истечении определённого срока (в христоверческой традиции называется конкретный период в семь лет) происходит новое чудо – **разрешает уста** и **открывается своим детушкам** новый пророк хлыстовской общины.

---

¹⁴ Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994, с. 612. Севернее греков – в германо-скандинавской традиции – почитали рунические круги, восточнее – боготворили мандалы (буквально – «круги») как своеобразные «психокосмограммы» (Дж.Туччи) или «космогонические иконы» (Н.А.Виноградова).

¹⁵ Сергеев Иоанн, прот. Изъяснение раскола, именуемого христовщина или хлыстовщина // *Высоцкий* Н.Г. Первый опыт систематического изложения вероучения и культа «людей Божиих». – М.: Синодальная типография, 1917, с. 53-54.

После того, как Данила Филиппович вознесся обратно на Небо – вышло это на 1-е января 1700 года, отсюда, по хлыстовским поверьям – смещение Нового Года, в роли такого же свыше посланного Мессии стал выступать Иван Тимофеевич Суслов, трижды убиенный «злыми иудеями» (теми, кто в него не веровал) и трижды воскресший во плоти и в славе.

После него роль «Верховного Гостя» стал выполнять Прокофий Данилович Лупкин, принявший на себя этот крест в начале XVIII века и пронёсший его до самой смерти в 1732 году. Будучи экстаичным эпилептиком, Прокофий Данилович был подвержен особым состояниям, не каждому свойственным и по сути близким к визионерству. Так, он рассказывал, что во время молитвы его как бы «поднимало Духом Святым». Дух накатывал Сам С собой – это приводило к восторгу и крепило уверенность в собственной миссии.

В этих типично хлыстовских «накатываниях Духа» особенно важны три момента: во-первых, отсутствие чёткой идентификации этого Духа с какой-либо из ипостасей Святой Троицы: Духа могли называть и Саваофом, и Духом Святым (Духом Божиим), и собственно Иисусом Христом – имелось ввиду лишь определённое состояние, имена для которого выбирались произвольно – да и что вообще значат эти имена, когда «Дух накатывает»?

Во-вторых, накатывание этого Духа могло продолжаться временно (как в припадках Лупкина или во время радения), но могло растянуться на целую жизнь, превратив обычную женщину в «Богородицу», а мужчину – в «Христа», «Христа-среди-нас». Доверие хлыстов к прижизненно обожествлённому человеку было огромным: как рассказывал один очевидец, на такого Христа «молятся как на Бога, к нему обращаются со всеми нуждами, он может располагать не только имуществом и честью, но и жизнью и смертью каждого члена общины»¹⁶. «Непогрешимость папы, божественность далай-ламы, хутухт и хубильханов ничто в сравнении с непогрешимостью и божественностью хлыстовского или скопческого Христа или пророка»¹⁷. «Слово, жест их богородицы – и село готово кинуться в огонь, готово зарезать или зарезаться» – добавляет Василий Розанов¹⁸.

---

¹⁶ *Добромыслов П.* Несколько слов о современной хлыстовщине. // Миссионерский сборник. – М., 1895, с. 226.

¹⁷ *Мельников П.И.* (Андрей Печерский). Белые голуби. // Мельников П.И. *Op. cit.*, с. 150.

¹⁸ *Розанов В.В.* Апокалипсическая секта. (Хлысты и скопцы). // *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Возрождающийся Египет. – М.: Республика, 2002, с. 352.

Наконец, примечательно то, что граница между *imitatio Christi* (подражанием Христу) и доктриной реального Воплощения была минимальной. Каждого из своих Христов члены хлыстовской общины почитали таким же Сыном Человеческим, каким был и Христос-Спаситель из Палестины. Русский Христос был даже по-своему понятнее и ближе, так же как «Русский Саваоф» Данила Филиппович был понятнее и ближе «Саваофа еврейского». По сути, мы имеем здесь дело со знаменитой теорией Аватары, отчётливо узнаваемой в хлыстовстве и позволяющей распознать последнее как *особую реплику ведической традиции*.

Концепция Аватары и культы вождей

Увидевший в хлыстовстве учение о реинкарнации, К.Плотников¹⁹ был прав только наполовину. Судя по всему, этот исследователь с чрезмерной покорностью шёл в фарватере предшествовавших теорий: одно из первых профессиональных изысканий по «сектоведению», предпринятое священником села Забелина Калужского уезда Иоанном Сергеевым, показывало, что хлысты будто бы действительно веровали в перерождение, отрицая при этом христианскую идею всеобщего воскресения во плоти. Несколько наивным слогом самого начала XIX века о.Иоанн рассказывал про христоверов, что «они, следуя пифагорическому догмату или языческому, именуемому шаманскому, существующему в странах Индии и Китая закону, веруют душ переселению; будто бы по смерти добрых и угодивших Богу человеков души преобразуются в ангелов, а иные причисляются по мере заслуг своих к ликам прочих святых; злые же и грешные приобщаются в дьяволов, а нечестивые, кои не познали пути Божия, то есть веры их, в скотов, гадов и проч., и паки из скотов и гадов переходят в новорождающихся младенцев, потому что младенцы, по их умствованию, рождаются от нечистоты, а за несмысленностью своею познать их пути и прелести не могут; в последователей же их секты, по духовном их рождении, вселяются праведных души. <...>. Дух Христов будто бы вселяется в христов их, ангельские духи переходят в ангелов их, т.е. скопцов, пророческие в пророков, апостольские в апостолов, а прочие в прочих, им последующих»²⁰.

---

¹⁹ Плотников К. История русского сектантства. Введение. История и разбор учения русских мистических сект. – СПб., 1910, Вып. I, с. 19-20.

²⁰ Сергеев Иоанн, прот. Изъяснение раскола, именуемого христовщина или хлыстовщина. // Высоцкий Н.Г. Первый опыт систематического изложения вероучения и культа «людей Божиих». – М.: Синодальная типография, 1917, с. 41-42.

Автор «Первого опыта систематического изложения вероучения и культа "людей Божиих"» действительно знал, о чём говорил. Являясь православным священником, он лично потратил многие годы на то, чтобы не только проникнуть в хлыстовство (попасть на один из кораблей – так ведь это уже немало), но даже и описать увиденные этим способом «непотребства и заблуждения» в форме подробнейшего доноса в тамошнее благочиние.

Донос на хлыстов был сделан не от хорошей жизни: «чем я больше, – признавался о.Иоанн, – старался умалчивать об оном расколе, тем паче от всех вообще рождались ко мне подозрения, отовсюду, как сам я, так и чрез других слышу от часу больше умножающиеся обо мне разные ложные, постыдные и самые для меня обидные слухи: возмечтали обо мне, будто бы я и сам соблазнился, сделался согласен с оными раскольниками, принял их пагубное учение и совершенно погряз в оном блате; стали сомневаться во мне не токмо посторонние, присные мои искренние, но даже и самые прихожане»²¹. И вот, чтобы отвести от себя подозрения, батюшка Иоанн делает отважный разоблачительный выпад, открывая многие «тайны хлыстовства» («адской сей гидры их заблуждений»), доселе, правда, никому неизвестные. Посетив всего два настоящих радения²², этот священник рассказал о хлыстах много больше, чем могли бы, наверное, сказать они сами. И хотя само радение было описано им с максимальной подробностью, многие из моментов вероучения могли быть локальной особенностью либо «встреченного им» корабля, либо сугубо книжного подхода к тому, что ему довелось там увидеть. В частности, это касается и теории реинкарнации.

Не вдаваясь в детали, скажем лишь, что другие источники ничего о «пифагорейских перевоплощениях для всех подряд» ни слова не говорят. Обычные верующие, согласно доктрине «секты», вообще никак не реинкарнируют – это касается лишь харизматических лидеров вроде Данилы Филипповича, которые являются из века в век и прерывают «древнее молчание» своим властным «разрешением уст».

По существу, речь идёт о единой Божественной Сущности, которая лишь меняет различные оболочки, пригодные для проявления в этом мире. «Основание для этого последнего своего мнения о непрерывном <...> пребывании в их обществе христов, хлысты видят в том, что волхвы, пришедшие поклониться рождшемуся Спасителю мира, спрашивали: где Христос *рождается*, а

---

²¹ *Сергеев* Иоанн, прот. Изъяснение раскола, именуемого христовщина или хлыстовщина, с. 12.

²² *Высоцкий* Н.Г. Первый опыт систематического изложения вероучения и культа «людей Божиих», с. 11.

не где *родился*. Да и в церковной песни поётся: Христос *рождается*, славите. Значит, говорят сектанты, Христос не один раз родился, а постоянно рождается, и Христы постоянно являются и существуют в мире. Христов «открывшихся» или «изобретённых» доселе было в мире, по понятиям сектантов, шесть (по другим – семь): Аверьян (при Дмитрие Донском: о нём есть хлыстовская песня), Иван Емельянов (открывшийся и замученный, по словам другой хлыстовской песни, при Грозном, которого будто бы обличал за жестокость), Суслов, Лупкин, Петров и государь Пётр Фёдорович (он же Кондратий Селиванов!), в лице которого, по словам хлыстов, «открылся Вышний в престоле суда» (тамбовские хлысты седьмым Христом считают Аввакума Копылова)»²³.

Постоянные повторения «мессианской судьбы», с жаркой проповедью новых Откровений, со страданием от рук «злых иудеев», сораспятием и Воскресением в «открывшемся» Новом Христе – это, фактически, всё та же реинкарнация с её Вечным Возвращением бессмертной Души. «Единственное (хотя, впрочем, не такое уж и единственное – А.К.) учение, которое представляет черты сходства с хлыстовским мифом об их Христах, – это индийское учение о многократных воплощениях Вишну»²⁴. По своему типу хлыстовство – это как бы «индийская ветвь» христианства, а хлыстовские «Богородицы» и «Христы» – типичные Аватары, призванные навести порядок и дать дополнительное Откровение.

В поздних Упанишадах «Аватара» (от санскритского *ava* – «низ» и *tri* – «переходить») – это временное воплощение вечного Божества, то есть, теофан («являющий Бога»), особая харизматическая персона, которая несёт в этот мир непостижимое Откровение, призванное воспрепятствовать деградации и остановить распадение Дхармы²⁵.

Несмотря ни на что, фатальные процессы распада ускоряются по нарастающей, Аватары не перестают воплощаться даже в нашу эпоху Кали-Юги, когда царствует беспредел и фактическая анархия. Точно так же они приходили в наш мир и в исходную эпоху Манвантары (периода из четырёх Юг), когда правили цари Золотого Века, и повсюду царил ритуал.

---

²³ Барсов, Н.И. Русский протонародный мистицизм. Сообщение, читанное в этнографическом отделении русского географического общества 13 мая 1869 г. – СПб., 1869, с. 22-23.

²⁴ Барсов, Н.И. Русский протонародный мистицизм, с. 24.

²⁵ Schrader F. O., Introduction to the Pancaratra, Adyar 1916, 42 f.; Glasenapp H. V. Der Hinduismus, 1922, 120 f.

Согласно «Бхагавата-Пуране», всего за Манвантару воплощаются десять Аватар. Вишну в различных формах спускается свыше, дабы помочь своим избранным и наставить их в правильной дхарме. Первые Его воплощения (в виде Льва, Кабана, Черепахи и Рыбы) совершились в первую из Юг – в Сатья-Югу, иначе именуемую Крита-Югой.

Затем следуют ещё три Юги (Трета-Юга, Двапара-Юга и Кали-Юга), в ходе которых знание Дхармы всё более замутняется, но в критические моменты **разрешает уста** очередной Аватара, и восстанавливает изначальное знание²⁶. Последним из носителей древнего знания был, как считается, Кришна, давший с колесницы царя Арджуны полное знание о мистерии воплощений:

Много раз я являлся в мире,
много раз приходил ты к рожденью,
но рождений ты этих не знаешь.
Это знанье лишь мне открыто.
Пребывая всей твари владыкой
нерождённым, нетленным, вечным,
Я внутри мне подвластной природы
Своей майей себя рождаю.
Всякий раз, когда в этом мире
наступает дхармы упадок,
когда нагло порок торжествует,
Я себя порождаю, Арджуна²⁷.

Подобно тому, как в хлыстовском вероучении непрерывность «накатывания Духа» становится залогом непрерывного возрождения «Христов»-пророков, а последнее обеспечивает непрерывность откровения и реальное присутствие Бога во плоти, точно также и в древнеиндийском аватаризме Божество воплощается в мире по прошествии отмеренного цикла дхармы. Цель всего – вернуть на землю высшее знание, называемое на санскрите *видья*, а по-гречески – *гнозис*.

В эпоху поздней античности эту же задачу осуществляли харизматичные вожди разных гностических общин. Подобно хлыстовским «Христам», гностические спасители также видели в себе аватар и также получали беспрекословное повиновение своих адептов. Как говорил немецкий историк религии

---

²⁶ Abegg E. Der Messiasglaube in Indien und Iran. – Berlin-Leipzig, 1922.

²⁷ *Бхагавадгита*. Пер. с санскрита, иссл. и примеч. В.С.Семенцова. 2-е изд. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. (Бхг. IV: 1-7).

Норберт Брокс, «Вождь (Der Führer) секты возводит свой авторитет к тому Откровению Плеромы, которое стало доступно лично ему. С этим убеждением связано последовательное и понятное в порядке самореализации притязание на исключительность. Откровение гнозиса, которым обладает глава школы, является единственно истинным, и оно никем другим не может быть воспринято или познано. Поэтому, например, учение Маркиона провозглашает необходимым для спасения следующее: «Спасение принадлежит только тем душам, которые приняли его (Маркиона) учение» (Ириной Лионский, Против ересей, I, 27, 3). Гностический вождь незаменим, и его учение идентично с гнозисом. Он сам является своим собственным удостоверением, благодаря обнаружению знания, которое посылает Отец через пневматический голос гностика»²⁸.

По аналогии с этим древним гностико-индуистским учением об «Аватаре» выстраивались также и многие «современные» доктрины, связанные с тоталитарным культом вождей. В Советской России 20-х годов, где хлыстовство вызывало бесспорный интерес, а правительство поощряло сектантский утопизм как прообраз утопизма собственного²⁹, харизматическое лидерство Аватар оказалось востребовано для нужд государственной пропаганды.

Личный друг и соратник Ленина В. Бонч-Бруевич видел в секте хлыстов зачаток мировой революции и восторгался движением христоверов как образчиком «народного коммунизма». То, чего власть обещала добиться со временем, в тайных хлыстовских общинах присутствовало с самого начала – удивлённый этим открытием, Бонч-Бруевич выходил на прямой контакт с самими хлыстами, обещая проведение их программы на уровне государства. Тут идея политического сектантства постепенно превращалась в источник сектантской политики, придавая народному мистицизму все шансы на включение в партийную доктрину.

В каком-то смысле это и произошло, отразившись на восприятии образа Ленина в официальной пропаганде. «Большевистская теология в лице Маяковского, да и многих других авторов, <...> поддалась гностическому соблазну, решительно разделив божественного Христа – Ленина, выходящего из глубины Эонов («Далеко давным, / годов за двести, / первые / про / Ленина / восходят вести»), – и его земное воплощение, смертного Иисуса – Ульянова. «Коротка / и до последних мгновений / нам / известна / жизнь Ульянова. / Но

---

²⁸ Brox, Norbert. Offenbarung, Gnosis und gnostischer Mythos bei Irinaeus von Lyon. Salzburg und Muenchen, 1966, S. 118.

²⁹ Эткиндр, Александр. Хлыст (Секты, литература и революция). – М.: НЛО, 1998, с. 631-674.

долгую жизнь / товарища Ленина / надо писать / и описывать заново». Этот гностический крен был симптоматичен для эпохи, захваченной гностико-дуалистической эсхатологией»³⁰.

Дуалистическое разделение идеального, вечного и внеличного Абсолюта (Ленина) и его земного воплощения (В.И.Ульянова) позволяло не только обосновывать «культ мощей» и всеильной партии, подразумеваемой³¹ в Ленине в качестве исполнения «заветов Ильича», но также и объяснить сугубо ульяновские ошибки, возникавшие как неизбежная погрешность, идущая от «слишком человеческого»³².

Вождь по природе непогрешим, но лишь как обнаружение Иного – точно также и в работах чилийского мистика Мигеля Серрано, постоянно утверждающего, что Гитлер был Аватарой Бога Вишну-Вотана³³, присутствует «поправка на личность»: как только вождь начинал говорить «от себя», он становился на время «обычным мелкобуржуазным австрияком». Это и понятно: в противном случае он бы просто, как поясняет Серрано, «рассыпался на тысячи кусочков», не выдержав сверхсильного давления свыше.

Ленин с Гитлером были далеко не единственными вождями, представавшими в глазах своих почитателей в качестве Аватары (Архетипа, Эона, Тулку или Христа – этих эпитетов можно подобрать не один десяток). То, что с лёгкой руки Ф.М.Достоевского принято называть «человекобожием», было, в действительности, отголоском индоевропейской архаики, гулкой репликой на тему аватаризма.

На Западе эта тема давно уже выглядит как экзотика: «книжные аватары» чаще всего воспринимаются как инкарнация смутных восточных симпатий, но не более того. У нас же, в славянской, и, в частности, в русской традиции, всё выглядит намного сложнее. Остатки древней ведической культуры обнаруживаются повсюду:

---

³⁰ *Вайскопф*, Михаил. Во весь логос: религия Маяковского // *Вайскопф*, Михаил. Птица тройка и колесница души: Работы 1978 – 2003 годов. – М.: НЛО, 2003, с. 431-432.

³¹ Так, например, у Маяковского. У Вознесенского же, у которого также «в Ульянова вселился Ленин», подобного обоснования партии уже не будет.

³² *Пименов*, Алексей. Непрошедшее прошлое: К характеристике нетеистической религиозности. // *Религия, магия, миф*. – М.: УРСС, 1997, с. 263-291.

³³ *Serrano*, Miguel. Adolf Hitler, der letzte Avatar. Santiago/Chile, 2004, S. 35, 619. (<http://un glaublichkeiten.com>)

- в учении о человеке (у славян имелась своя концепция чакр – так называемая «русская лествица»³⁴),
- в мифах и ритуалах («славяне поклоняются огню и до сих пор, то в открытой, то в скрытой форме»³⁵),
- и, в особенности, в языке. Имеются очень большие пересечения русского языка с санскритом, например, в терминах родства, топонимах, теонимах и гидронимах – попытка «с насюка» объяснить этот факт через то, что, якобы, в древности долину Инда населяли славяне, говорившие там на своём языке³⁶, не представляется нам особенно убедительной.

Вряд ли всё было так просто. Языковедение вовсе не обязано подтверждать все выводы этнологии и, тем более, религиоведения – иначе оно перестанет являться языковедением. Однако в данном случае оно как раз не мешает нам согласиться с теми из авторов, которые обнаруживают подлинный «исток «Вед» именно на Руси, утверждая, что «русская традиция наиболее архаична. Именно русский язык изначально предназначен для хранения важнейших песен»³⁷. Хлыстовские песни (или «ропсевцы», как называют их сами люди Божии) – это поразительный памятник индоевропейской архаики. Подавляющая часть этих ропсевцев на сегодня уничтожена, утрачена и забыта, однако даже и то, что сохранилось в сборниках Василия Степанова, Александра Шилова и в личных собраниях отдельных этнологов, обнаруживает далеко идущие совпадения с древнейшими гимнами индоевропейцев.

Мистерии крови и Белая Индия

Один из наиболее мистичных и почвенных, наиболее русских поэтов начала XX века, Николай Клюев, этот «Христос среди нас» и носитель «Великой Печати», – Клюев неоднократно называл Русь «Белой Индией». Интуиция «Белой Индии» вела напрямую в хлыстовские корабли – как паломник на богомолие ушёл туда поэт Александр Добролюбов, как пророк на радение пришёл оттуда Николай Клюев. Но это ещё не всё. Хлыстом позднее будут считать Григория Распутина, о подобной секте напишет роман «Серебряный го-

---

³⁴ Андреев А. Русская лествица // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 5. – М.: Метеджер, 1997.

³⁵ Гусева Н.Р. Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория. Издание второе расширенное. – М.: Белые альвы, 2007, с. 77.

³⁶ Гриневич Г.С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. – М., 1993.

³⁷ Асов А.И. Путь к «Звёздной книге Коляды» // Наука и религия. 1998, № 2, с. 50-53.

лубь» Андрей Белый, на хлыстовские корабли будет ездить Василий Розанов³⁸, а Николай Бердяев будет специально ходить по трактирам, чтобы поговорить с народными визионерами из мистических сект³⁹.

Даже Александр Блок в 1908 году поедет на радение и расскажет об этом в письме к своей матери: «пошли к сектантам, где провели несколько хороших часов. Это – не в последний раз. Писать об этом – как-то не напишешь»⁴⁰. На языке символистов, воспевавших мистическое русское сектантство в самых разных формах его проявления, «Белая Индия» оказалась символом Вечности – именно в ней был увиден противовес технической цивилизации Запада, именно туда, «на Святую Русь – в Белую Индию» начались массовые паломничества интеллектуалов на рубеже XIX-XX веков.

Наиболее красочно и подробно эти увлечения простонародным мистицизмом описаны у Александра Эткинда⁴¹. Начинается его книга с того, как в мае 1905 года приезжают к Василию Розанову друзья-поэты с заманчивым предложением – устроить на следующий день настоящее хлыстовское радение на квартире у Николая Минского, «с целью моления и некой жертвы кровной, то есть кровопускания».

Инициатором этой ночной мистерии был Вячеслав Иванов, присутствовали также Фёдор Сологуб, Розанов с падчерицей, Николай Бердяев... В общем, почти весь «Серебряный век».

Погасив огни, гости сидели сначала на полу, но потом как по команде вскочили и «стали кружиться». После длительного кружения Вячеслав Иванов поставил посреди комнаты «жертву» – музыканта С., который добровольно на это отважился. Музыкант С. был «блондин-еврей, красивый, некрещёный». Этому еврею было устроено ритуальное «сораспятие Христу» – собравшиеся символисты учинили ему «символическое пригвождение рук, ног», после чего «Вячеслав Иванов с женой разрезали ему жилу под ладонью

---

³⁸ По итогам этих поездок возникнет отдельная книга «Апокалиптическая секта (хлысты и скопцы)», в которой Розанов будет описывать хлыстовские «потoki религиозного конвульсионерства» и в итоге определит саму секту как «социальную утробу, не рождающую и вечно возбуждённую». Текст этой книги полностью воспроизведён в настоящем издании.

³⁹ Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. – М., 1991, с. 196-198.

⁴⁰ Цит. по: Эткинд, Александр. Эрос невозможного: Развитие психоанализа в России. – М.: Гнозис, 1994, с. 50.

⁴¹ Эткинд, Александр. Хлыст (Секты, литература и революция). – М.: НЛО, 1998.

у пульса, и кровь в чашу...» (по другому рассказу – «прирезал руку до крови»). Кровь музыканта смешали с вином и выпили, обнося чашу по кругу. Закончилась эта мистерия «братским целованием». Иванов провозгласил, что отныне подобные собрания «будут повторяться». Почти как у Блока: «Это – не в последний раз»...

Экстатический порыв

Если долгое время перелистывать страницы имевшейся на тот момент литературы о христоверах, то перед глазами начинают возникать самые злоещие, самые ужасные и жуткие картины. После такого чтения ни один из моментов описанного выше ритуала удивительным уже не покажется.

О хлыстах было известно крайне мало. Даже на уровне именовании царила полнейшая путаница. Одни и те же христоверы могли в Самарской губернии называться «мормонами» и «монтанами», в Тамбовской губернии – «богомоллами», на Северном Кавказе – «шелапутами», в Оренбургской губернии – «квасниками», в Аткарском уезде – «голубчиками», в Балашовском уезде – «постниками». Кроме того, на Кавказе хлыстов звали также «Старым Израилем» – в отличие от последователей В.С.Лубкова – «Нового Израиля»⁴². Все они обвинялись в совершении разнузданных экстатических оргий, сутью которых был пресловутый «бунт против природы».

В силу принадлежности христоверов к разряду так называемых «тайных обществ», вокруг этих «ритуалов бунта» было великое множество домыслов. Путаница окружала и вопрос о том, откуда хлыстовство происходит и какой из древних традиций наследует. Безусловным являлось (как, впрочем, является и сейчас) лишь то, что традиция христоверов основана на экстазе – экстатический опыт существенно отличает её как от множества т.н. «рационалистических сект», так и от тогдашнего официального православия. Быть может, всё дело именно в официальности – превратись те же хлысты в господствующую (пусть и не византийско-бюрократическую, но хотя бы русско-синкретическую) церковь, вечные законы окостенения дали бы, вероятно, о себе знать почти сразу же. Такова, вероятно, судьба любых пассионариев: размеры «малого стада» обратно пропорциональны заряду этой самой пассионарности. По мере расширения узкого круга происходит деконцентрация, рассеивание смыслов и резкое падение интенсивности. Поэтому, в случае гипотетического объединения монтанов с шелапутами, богомоллами, голубчи-

---

⁴² Пругавин А.С. Бунт против природы (О хлыстах и хлыстовщине). Вып. I. – М., 1917, с. 17.

ками и т.д. могла бы не только возникнуть новая государственная религия, но мог бы куда-то утратиться и тот смысл, который объединял их на тот момент, когда они представляли собой множество разномастных и разрозненных общин. Мы имеем в виду принцип экстаза.

В истории религии есть постоянное недоразумение касательно преобладания у тех или иных народов древности начал степенного благоразумия или начал стихийных оргий. В рамках одного и того же народа, архаического культа или племени эти начала могут прекрасно сосуществовать – но в этом и состоит главная проблема. Как согласовать спокойное хладнокровие греческих статуй с безумным неистовством дионисизма? Нордическое хладнокровие германцев – с ревушим завыванием Дикой Охоты, культом берсерков и опьянений?

Над этой проблемой билось не одно поколение крупных религиоведов. Дионис и Прото-Шива, Кибела и Аттис, Вотан и Фрейя, не говоря уже о Богинях со змеями из Критского Лабиринта – все эти образы возбуждали воображение историков религии, а философия Ницше с её прославлением дионисизма давала этому восторгу весомое обоснование. Враг всяческих мистерий мог бы просто захлебнуться в потоке того, что писалось на эту тему начиная с конца XIX века.

Совсем иначе поступил Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф. Этот именитый филолог, знавший греческий язык лучше немецкого, искренне возненавидел Фридриха Ницше, лишь только вышло «Рождение трагедии из духа музыки», ибо там доказывалась извечная борьба начала Диониса против холодного и рассудительного начала аполлонизма. Да, эта борьба существует – но Виламовиц был совсем не на стороне усатого гения. «Пусть он собирает у своих ног тигров и пантер, но не филологическую молодёжь Германии» – так звучал приговор старательного филолога «гуляке праздному», посмевавшему прославлять опьянение и инстинкт, превзошедшему обывательскую мораль буржуа, кабинетных учёных и клерков.

Либерально-демократический пафос Виламовица был по-своему понятен. Далёкий от героического энтузиазма, этот профессор всю свою жизнь собирал по крупицам обстоятельные тома, кодифицируя и сличая всевозможные цитаты и пытаясь повсюду следовать началам здравого смысла. Да, его упрекали за отсутствие живости, про его книги говорили как про «собрание банальностей». Да, его книгу о Платоне заклеили как «изложение Платона для горничных», а попытку рассмотреть греческие трагедии определили как

«вполне ординарную»⁴³ – но тем не менее именно за Виламовицем стоял авторитет науки, и любое свое высказывание он мог подтвердить цитатой из авторитетного источника.

В общем, положение было нешуточное. С одной стороны – степенные почитатели порядка, ценители «высокой культуры» и классической западной рациональности, а с другой – вакханствующие, неистовые и опьянённые орды «новых экстатиков», во главе которых по какому-то произволу Богини Судьбы оказались всё те же учёные. Базельский филолог Ницше был теоретиком исступлений. «Строгая наука» вытеснялась «наукой весёлой», объективному рассмотрению сквозь пенсне всё более предпочиталась стихия непосредственного опыта – и потому камлания и радения в доме поэта Минского были скорее правилом, нежели исключением.

Проводивший радение Вячеслав Иванов был ницшеанцем и как бы биографом «оргазмов», данных нам в культе Диониса и «пра-Диониса», безымянного Героя Фессалии и Фракии. Оргиастическая вера в Бога виноградной лозы – это главная суть, объект (он же – предмет и метод) работы Иванова «Дионис и прадиионисийство», где показаны хтонические и дикие мистерии, с воинственными плясками, вурдалачеством, убиением чужеземцев, пролитием человеческой крови и возлиянием красного вина во имя Божественного Младенца.

Как удалось доказать Иванову, в основе дионисизма лежало два качественно разных культа: один – мужской и прадиионисийский, другой – исключительно женский, связанный с почитанием Ночи. Первый был культом островным, перешедшим с Крита и коренящийся в почитании двойного топора – лабриса. Его символом была жреческая «сфагида», то есть заточенная с обеих сторон секира.

Символом второго, материкового (горного, триетерического) культа был обыкновенный тирс, змеящийся плющ, тотемный символ парнасских менад. Вероятно, истоки второго культа следует искать во Фракии. И хотя оба они были культурами человекоубийства, последний казался особенно красочным, ибо там кровавая мистерия сочеталась с «женским оргазмом»⁴⁴.

---

⁴³ See, Klaus von. Maennerbund und Maennerbund-Ideologie von der wilhelminischen Zeit bis zum Nationalsozialismus. // See, Klaus von. Barbar, Germane, Arier: die Suche nach der Identität der Deutschen. Heidelberg, 1994, S. 327.

⁴⁴ Иванов В.И. Дионис и прадиионисийство. – СПб.: Алетейя, 2000, с. 27.

«Ритм, лад мирового движения, есть Дионисова пляска, уносящая души, так же, как солнца и атомы. Вглубь засасывает щепку водоворот; душу увлекает к Богу пляска <...>. Вспомним резьбу на золотом перстне Изопаты, города близ Кносса, столицы Миносского царства, II – III тысячелетия – времени близкого, по летосчислению Геродота, к Дионисову «пришествию»: тонкие, гибкие, как водоросли, девушки-плясуньи, в таких же юбках-колоколах, как тех пещерных мэнэд, с такими же осино-тонкими, ломкими станами и с острыми голыми сосцами, пляшут на цветущем шафрановом лугу такую же испугленную пляску, терзающую тела их судорогой смертной боли, упоения смертного, и вызывающую «видение», *phasma*, бога Отрока». <...>. Всякий обуянный Вакхом человек становится богом: вот почему имя его просто «вакх» для мужчин, «вакханка» для женщин; имя же экстаза – «слияние», *synchysis*. Человеческие души с духом Дионисовым сливаются в огне экстаза, как расплавленный металл с металлом»⁴⁵.

«Хожение в Духе» и «посестрие»

Поменять имена – и мы получим типичное хлыстовское радение. Растворение в Дионисе как «накатывание Духа», круговой водоворот как радение – всё это типично трансперсональный опыт, растворяющий личное начало и выносящий его смысл далеко за пределы его самого.

Дионисический, хлыстовский, архаически-шиваитский или шаманский экстаз – в сущности мы имеем единую структуру религиозного опыта, которая за последние несколько тысячелетий практически не менялась. В этом отношении экстатический культ Прото-Шивы, нередко сближаемый с культом Диониса и мистериями «пра-дионисизма»⁴⁶, мало чем отличается от последующих, менее архаических техник экстаза. Да и что вообще есть экстаз?

Во-первых, резкое сужение восприятия, замыкание всего пространства на том, что наиболее существенно. Органы чувств как бы ставят заслоны, внешняя реальность воспринимается как бы скупой и редуцированной. С этим же связаны заповеди воздержания, к числу которых из 12-и заповедей Даниила Филипповича относятся девять. Воздерживаться надо и от почитания других Богов, и от следования другому (не христоверческому) учению, и от хмельного питья, и от плотского жития. Главным препятствием к обретению

---

⁴⁵ Мережковский Д.С. Атлантида – Европа. Тайна Запада. – М.: Русская книга, 1992, с. 351-353.

⁴⁶ Например – в работе Алена Даниелю «Шива и Дионис. Религия Природы и Эроса» (*Danielou, Alain. Shiva et Dionisos. P., Fayard, 1979*).

экстаза является именно плотской грех. Альтернатива ему («богомольный союз» или «**посестрие**») предполагала, что нужно жить со своей женой, как с сестрой, а лучше и вообще не жениться – по заповеди Данилы Филипповича («Неженатый не женись, а женатый – разженись»). Тогда не возникнут соблазны и, в любом случае, риск оступиться и попасть в «бездну» будет намного меньше.

Стоит лишь раз нарушить заповедь о воздержании – тут же смолкают пророческие голоса, исчезают молитвенные восторги, прекращается «хождение в Духе»... «Я шесть лет не грешил с хозяйкой, и мне была такая радость, что я, когда услышу пение стихов или писание, во мне все сердце и все жилы радуются; потом прижил я с хозяйкой детище, и радость моя отпала» – так закончились благодатные откровения одного из тамбовских хлыстов-богомолов XIX века. Без воздержания не будет озарения, без озарения не будет откровения – при наличии расхристанных изуверов никакое христоверие просто не состоится, и мистериальные экстазы будут не более чем самообольщением. «Эрос без Хаоса – это человеческая любовь, Хаос без Эроса – это демоническое низвержение, Эрос и Хаос – это Дионис» – констатировал по этому поводу Людвиг Клагес⁴⁷.

Однако экстаз имеет и другую, обратную сторону. Полнейший половой эскапизм, то есть воздержание как таковое – необходим лишь как метода, и то – для какой-то группы людей, а вовсе не для всех. После прохождения через запреты и предписания (внешнюю сторону любой религии) начиналась мистерия хлыстовских радений. Сфера личного опыта как бы сжималась, подобно пружине – для того, чтобы мощно и экстатически распрямиться, расширив этот опыт до бесконечности. По своей форме это напоминает резкий прыжок – когда перед внутренним оком внезапно распахивалась целая Вселенная, открывались неведомые миры, непривычные места со своими Богами, духами и людьми. Очень точное описание экстатического состояния нам удалось обнаружить у немецкого поэта Готфрида Бенна – в его гениальном стихотворении "Trunkene Flut"⁴⁸. Вот как это выглядит в нашем переводе: «Много пострадавшая и много видевшая, она делала шаги по кромке берега у пьяного потока, окутывающего душу»⁴⁹.

---

⁴⁷ Klages Ludwig. Rhythmen und Runen. Leipzig, 1944, S. 265.

⁴⁸ «Пьяный поток» (нем.).

⁴⁹ Бенн Готфрид. На кромке нордических вод // Бенн Готфрид. Собрание стихотворений. СПб. Евразия. Ultima Thule. 1997, с. 138 (перевод наш).

Этим, по сути, сказано всё. «Много пострадавшая» – это изнурительная капитоновская аскеза, наложение вериг, ношение власяницы, недосыпание, «запащивание» и т.д. «Много видевшая» – это беспорядочно утрамбованные пласты опыта, смерти, жизни и рождения – в общем, тоже «поток», только пока ещё не пьяный, а подчёркнуто трезвый и потому совершенно ... невразумительный. Это пока ещё мёртвый, отчуждённый пассаж, так как он не затрагивает саму душу. Немного подумав о субъекте этого опыта, мы вдруг понимаем, что это – всё та же душа («она»), только взятая в несколько другом ракурсе – «под углом зрения», по отношению к себе самой. В этом, опять-таки, принцип экстаза – «выхождения из себя», как его называли греки или «магического полёта», как его называли те, кто ходил по этому берегу.

Главный духоборец – это Душа

«Дух как противник Души» – вот он, вечный Враг экстатического полёта, обрезающий крылья кукушатам и насмешливо рассуждающий на тему абстракций. Людвиг Клагес (1871-1956), философ «Космогонического Эроса»⁵⁰ и поэт невысказанных древних мистерий, – Клагес расставил всё по своим местам. Дух – это вечная агрессия формул, это – мёртвое знание и выхолощенный греческий классицизм, с его культом Логоса и бессмысленным силлогизмом Аристотеля. Душа – это всё, что ему предшествовало – магические волны и досократики, полёты Абариса на стреле («греческий шаманизм»⁵¹), рассказы Эпименида о своих прошлых жизнях, пифагорейская биллокация и забытые космогонии орфиков. Ну, разумеется, культы Диониса-Вакха, Либера, и тому подобные мистерии.

Между Духом и Душой вот уже несколько тысячелетий ведётся непрекращающаяся война. Христианство здесь возникает весьма двусмысленно⁵². Наследуя древним мистериям, оно развивается в тайных общинах гностиков, но затем, где-то к началу Вселенских соборов, вытесняется рациональными положениями, подменяется выкладками Духа на темы греческой философии. Это, по сути, две разные религии, которые потом начинают идти сквозь историю, отмечая места столкновений либо кровавой резнёй и кострами, актами соборных заседаний, постановлений и всего подобного, чем только ни прославилась холодная Византия, либо же формами странных контаминаций,

---

⁵⁰ Klages, Ludwig. Vom kosmogonischen Eros. 3. Aufl., Jena, 1930.

⁵¹ Так предпочитает выражаться целая школа антиковедов, во главе которой стоит Эрик Робертсон Доддс. По сути, очень верная формулировка. (Доддс, Э.Р. Греки и иррациональное. – М.-СПб.: Университетская книга, 2000, с. 140 сл.)

⁵² Klages Ludwig. Rhythmen und Runen. Leipzig, 1944, S. 300.

обильно-конспиративными подробностями символики, священными языками так называемых «двоеверий».

Заглядывая вглубь истории, Клагес думал отыскать там существенную панацею против современного мира, лишённого души и порабощённого монотеизмом абстрактных и вредных принципов. Архаика представляла для Клагеса более актуальной, чем сама современность, а сильная неприязнь к последней заставляла искать всё новые и новые мистерии древности. Несмотря на сильный интерес к митраизму и Элевсину, самого себя Клагес рассматривал как основателя новой религии⁵³. Воспетый в его работах «Космогонический Эрос» был формой германского «духоборчества» в самом прямом смысле этого слова. Единственное, чего не хватало в этой религии, – это как раз психотехническая сторона вопроса, то есть конкретные методы экстаза, способы погружения в «пьяный поток». Но именно это всегда присутствовало в русских мистических сектах, постоянных маяках и местах паломничества ницшеанцев и символистов нашего Серебряного века.

Психотехники экстаза

Вообще, русские секты принято подразделять на две группы – секты мистические и секты рационалистические. Разнятся они, прежде всего, по своему отношению к Евангелию. «Для одних евангельский текст обладает внешним авторитетом, и этот тип обнаруживает буквализм, которого нет в Церкви, признавшей священное писание частью священного предания. Для других Евангелие есть внутренний духовный факт, и в этом типе отношение к евангельскому тексту совершенно свободное. Первый тип сектантства, который может быть назван евангелическим христианством, меня мало интересует. Интереснее и значительнее второй тип, который может быть назван духовным христианством»⁵⁴. По существу, речь идёт о всегдашнем и повсеместном противостоянии двух аспектов традиции – внутреннего (эзотерического) и внешнего (экзотерического), которым два типа русских сект в точности соответствуют.

Первые (к которым, помимо христоверов и скопцов относят также молокан, бегунов, прыгунов, чемреков, шелапутов и т.д.) можно по-клагесовски соотносить с Душой, с народной мистериальной архаикой, с проявлениями русско-

---

⁵³ Curtius, Ludwig. Deutsche und antike Welt. Lebenserinnerungen. Stuttgart, 1950, S. 250.

⁵⁴ Бердяев Н.А. Духовное христианство и сектантство в России // Бердяев Н.А. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). – М.: Канон+, 2004, с. 268-269.

го гностицизма. Вторые же – различные молокане, штундисты, баптисты, пашковцы и т.п. – это типично западные поделки, различные варианты на тему «импортного» лютеранства и прочих ветвей протестантизма.

При всей своей распространённости, а, быть может, именно в силу неё, эта типология остаётся поверхностной и недостаточной⁵⁵. Что такое рационализм? Что такое мистика? «Часто указывают на различие, состоящее в том, что рационализм якобы является отрицанием «чуда», а его противоположность признаёт чудеса. Но это явно неверно или, по крайней мере, весьма поверхностно, поскольку традиционная теория чуда как случайного нарушения естественной цепи причин существом, творящим чудо, т.е. тем самым Господом, сама настолько «рациональна», насколько это только возможно. Рационалисты довольно часто в этом смысле допускали «вероятность чуда» или просто сами конструировали его a priori»⁵⁶.

В мире русского сектантства рационального всегда было критически мало, формальной (равно как и всякой другой) логикой не руководствовался практически никто. Вся история русского сектантства – это, по сути, история постоянного бунта, бунта против разума, против логики как последнего основания этого разума. Как говорил Людвиг Клагес, «логика – это упорядоченная Тьма, а мистика – это ритмический Свет»⁵⁷. Ритмика пульсаций этого Света есть таинственный нерв всего мистического, что только и было существенным в отечественном сектантстве. Русские сектанты бунтовали, фактически, против Тьмы, восставали против самых внутренних, сокровенных её оснований. Сторонников рации там было мало, разыскивать их в русском сектантстве – это почти то же, что говорить, например, о «рационалистическом направлении даосизма»...

Намного продуктивнее подход Е.А.Торчинова, предложившего классифицировать секты не по степени усиления «рациональности», а по той роли, которую в этих движениях играют психотехники – методы вхождения в трансперсональные состояния. Тогда различие между сектами мистического и рационалистического типов становятся более понятны.

---

⁵⁵ На это указывали даже советские историки сектантства, например: Малахова И. А. Духовные христиане. – М.: Политиздат, 1970, с. 7.

⁵⁶ Отто, Рудольф. Священное // Религиоведение. 2003, № 1, с. 114.

⁵⁷ Klages L. Rhythmen und Runen. Leipzig, 1944. S. 253.

- Первые – «почвенны», вторые – «чужеземны». Близкий к христоверам Василий Радаев говорил, например, «поступать по-швецки», желая сказать «поступать по-светски», то есть «не по-русски». Выделенный А.М.Эткиндром архетип «Мудрого Человека из Народа» реализуется, как правило, в виде харизматического вождя-аватары, предводителя и вдохновителя общин первого типа. Мы предлагаем называть это архетипом **«Русского Христа»**.
- Общины первого типа связаны с неистовым экстазом и суть «религии чистого опыта»⁵⁸, тогда как вторые ближе к «религии книги», с её риторикой нравственного самосовершенствования и проповедью социального утопизма⁵⁹. Этот момент мы предлагаем именовать архетипом **«Живой Книги»** – именно так назвал себя Саваоф Данила Филиппович, сбросивший в реку «мёртвые» церковные книги. Понятие «Живой Книги» происходит от описанного во многих древнерусских апокрифах явления «Небесной Книги»⁶⁰, в которой содержится полное знание об устройстве Вселенной, а все также события мировой истории, данные в виде как бы синхронной экспозиции. Допуск к этому вневременному знанию (своего рода славянской «Акаша-Хронике») может получить лишь тот, кто сам реализовал в себе «Животную Книгу», то есть включился в поток чистого опыта.
- Наконец, именно в сектах первого типа имеется чрезвычайно архаичный ритуальный комплекс, включающий разные психотехники в качестве методов достижения экстаза. К примеру, в традиции людей Божиих (христоверов) это коллективное погружение в обозначенный Бенном «Пьяный Поток» сравнивается с принятием всеми радеющими единой архетипической субстанции – **«Духовного Пивушка»**. Однако прежде чем мы перейдём к рассмотрению коллективных ритуалов, следует описать, как действует это «духовное пивушко» на уровне индивидуальном.

---

⁵⁸ Это понятие Уильяма Джеймса применительно к русским мистическим сектам стало употребляться сравнительно недавно: *Tulpe Irina A., Torchinov Evgeny A.. The castrati ("SKOPTSY") sect in Rusia: history, teaching and religious practice. // The international journal for transpersonal studies, 2000, Vol. 19. Pp. 77-87,*

⁵⁹ *Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Азбука – классика; Петербургское Востоковедение, 2005, с. 499.*

⁶⁰ *Беляев М.В. Книги Небесные (Апокрифические видения и «закон первообразов») // Известия Бакинского Государственного университета. № 1, полутом 2. – Баку, 1921.*

«Духовное пивушко»

Для этого мы обратимся к наилучшей из работ, существующих на эту тему – к магистерской диссертации русского богослова Дмитрия Коновалова, носящей название «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве». Тему эту кроме Коновалова за истекшее столетие никто серьёзно не поднимал – по крайней мере, в том специфическом ракурсе, который был избран самим автором.

До Коновалова хлыстовские (равно как скопческие и т.д.) психотехники изучались лишь под углом зрения судебной медицины: для того, чтобы «надзирать и наказывать» вовсе не требуется знание богословских учений. Не вникали в эти тонкости и синодальные миссионеры – из всего, что рапортовали приходские священники на тему мистических сект (в нарушение тайны исповеди, не говоря уже о какой бы то ни было чести), внимания достойна разве что упоминавшаяся выше книга о.Иоанна Сергеева.

Не являясь ни священником, ни, тем более, криминалистом от медицины, Коновалов создал замечательную работу по феноменологии религии. Она включала подробнейшее описание «картины сектантского экстаза», которая слагалась из трёх основных компонентов. Эти три компонента следовали в развитии экстатического чувства один за другим. При этом грань между ними была весьма подвижна, и, тем не менее, каждому из них соответствовал определённый комплекс хорошо узнаваемых состояний. Перебрав все эти состояния с возможной подробностью и дойдя до стадии написания предисловия, автор как бы застывает в минутном раздумии: «Всматриваясь в начертанную здесь картину хлыстовского экстаза, мы замечаем в ней два ряда явлений: с одной стороны, ряд телесных симптомов – обильные слезы, смех, прыганье до изнеможения, а с другой, ряд душевных переживаний – приступ умиления, чувство легкости и радости, сердцеведение и т. д. Протекая одновременно, оба параллельные ряда явлений образуют слитное психофизиологическое состояние религиозного экстаза, которое сектанты называют «бытием или хождением в духе», «нашествием, накатыванием, вселением духа», «вдохновением», «восхищением духом», «исступлением», «духовной радостью или восторгом»⁶¹. Экстаз переживается телесно – именно поэтому главное внимание нашего автора обращено на его физические проявления. При всём своём многообразии, эти проявления вполне укладываются в пред-

---

⁶¹ Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Часть 1. Выпуск I. Физические явления в картине сектантского экстаза. Сергиев Посад. Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры. 1908. Оттиск из №№ «Богословского Вестника» за 1907 и 1908 гг.

ложенную Коноваловым трёхчастную модель, внутри которой каждая из стадий соответствует одному из этапов «накатывания».

Первый этап – «Возбуждение органических функций». Здесь главное и важнейшее чувство – это «трепетание сердца». К примеру, ученик упоминавшегося выше «Христа» Прокопия Лупкина московский хлыст XVIII века Василий Степанов «признавал приходящего на него Духа Святого, чего ради во оные времена у него, Василья, *сердце трепеталось*»⁶². Это трепетание чаще всего сравнивается с трепыханием голубя: бьющееся сердце не даёт продыхнуть – подобные состояния описаны и в православной аскетике – например, в описании «молитвенных приступов» у св. Феофана Затворника: «забил какой-то пульс в сердце <...> является позыв в уме творить молитву, <...> в горле чувствуется стеснение <...>, ум скоро отбегает, а в сердце дело продолжается» – так описывал великий святой своё молитвенное состояние. Похожий опыт был и древнейших гностических общинах: по словам св. Иринея Лионского, женщины, вдохновляемые гностиком Марком, пророчествовали «при усиленном более надлежащего сердцебиении»⁶³.

Естественно, вслед за изменением ритма сердцебиения меняется также и ритм дыхания, цвет и выражение лица. Сектанты краснеют, бледнеют и зеленеют, а глаза их начинают сверкать и искриться – это воспалённое мерцание сравнивают с блеском молнии и свечением живого огня. Такой блеск – первый признак скорого появления слёз, которые, кстати, нередко совмещаются с громким сардоническим смехом. Одно другому совсем не противоречит: слёзы текут буквально градом. Не в силах себя остановить, христоверы плачут и рыдают, заливаются слезами, протяжно голосят, хнычут, смеются и «воздыхают». «Всхлипыванье, вздохи, хныканье, стоны, слезы, плач, рыдание – вот та группа физиологических явлений, которая чаще всего заполняет картину сектантского экстаза в его начальной фазе»⁶⁴.

Именно за эти эмоциональные всплески во время молений людей Божиих во многих губерниях называли «богомолы»⁶⁵. По другой версии, ничуть эту не исключаящей, «богомолы» хлыстов называли за духовную близость с болгарскими богомолами, с которыми те и в самом деле во многом совпадают. К

---

⁶² Реутский, Люди Божии и скопцы, М. 1872, с. 45.

⁶³ Сочинения св. Иринея Лионского, рус. пер. свящ. Преображенского, М. 1871, с. 56.

⁶⁴ Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Часть 1. Выпуск I. Физические явления в картине сектантского экстаза.

⁶⁵ Grass, Karl Konrad. Die russischen Sekten. Bd. I. Die Gottesleute oder die Chluesten nebst Skakunen, Maljowanzu, Panijaschkowzu u.a. – Leipzig, 1907, S. 634.

примеру, Бога Саваофа христоверы из Нижнего Новгорода называли «Ветхим Богом», а Иисуса Христа – «Новым Богом», почитая первого источником Зла, а второго – носителем Света и Благодати. Подобно богомилам, а также различным движениям индуизма, христоверы также практиковали строгое вегетарианство, поскольку признавали реинкарнацию, понимая Бога вполне телесно и допуская множество Его аватарических воплощений⁶⁶.

«Смехорыдание»

Как было указано выше, в порыве молитвенной экзальтации слёзы нередко совмещались со смехом – непроизвольным, судорожным и очень громким. Люди Божии «то плачут, то смеются», совершая при этом различные телодвижения, распевая молитвы и духовные канты. Это состояние называли в народе «смехорыданием». При всём внешнем сходстве с проявлением истерии, мы не должны забывать, что истерия существует как бы сама по себе и зависит от особенностей отдельного, так сказать, «индивида», в то время как состояния христоверов развиваются лишь в контексте богослужения и включены в сложный комплекс самых разных психотехник. Если истерика, как правило, «смехорыданием» исчерпывается (битьё посуды и прочее психическим состоянием не является), то в контексте хлыстовского радения смех сквозь слёзы органично и естественно сменяется совершенно другими состояниями. Эта смена психических декораций – опять-таки, в отличие от истерии – вполне подконтрольна самому человеку. После «умиления слезного» наступает черёд дыхательных спазмов, которые по природе бывают простыми, смешанными и осложнёнными.

Простые дыхательные спазмы – это, прежде всего, икота и фырканье. Практика икотников и икотниц по сути дела вытекает из исходного «трепетания сердца» и является его развитием. Она может совершаться как во время самого радения (при неистовой пляске полураздетые, а иногда и совершенно голые малеванцы скрежетали зубами, выкрикивали диким голосом непонятные фразы и постоянно икали), так и после радетельных телодвижений, когда христоверы просто падали наземь, конвульсивно подёргивались и при-

---

⁶⁶ Про основателя богомильства попа Богомила, жившего в конце X века, один из церковных обличителей заявил: «а по истине Богу не мил». (Осокин, Николай. Еретические верования // *История ересей*: Сб. – М.: АСТ, 2004, с. 298). Видимо, эту народную этимологию, говорящую о близости к Богу, обыгрывали и сами богомилы. Если это действительно так, что здесь ещё одна черта их близости с так называемыми «хлыстами» (т.е. «Христами»).

нимались икать. Любопытно, что похожая практика была также у сибирских шаманов, вызывавших телесные содрогания посредством громкой икоты⁶⁷.

Эта икота могла чередоваться с гуканьем, уханьем и фырканием – сами христоверы объясняли это тем, что полученный свыше Дух нужно пустить на Круг. Таким же образом – оглушительно и порывисто – фыркали и чукотские шаманы, причём также во время экстатических кружений. В обоих случаях фыркание предшествует ВТО – внетелесному опыту⁶⁸. Это как бы символическое умирание (выпускание духа). Христоверы бьются в конвульсиях и нередко действительно переживают нечто вроде физической смерти – отсюда и дыхательные спазмы, и громкие крики, и слёзы, и многое другое.

Затем начинается зевота. Она относится Коноваловым к числу *смешанных дыхательных спазмов*, так как затрагивает одновременно фазу вдоха и выдоха. Методическая зевота есть один из способов приведения себя в соответствие сути происходящего. Выходя на общение с духами, начинают зевать шаманы Якутии. Аналогичную практику знали и французские кальвинисты времён Людовика XIV, которые сначала потягивались и «множественно зевали», и только после этого начинали ощущать в себе наития свыше.

«Внутренним показателем экстатического изменения в кровообращении служат *температурные ощущения*, переживаемые сектантами в момент религиозного возбуждения, обычно, *ощущения теплоты и жара*. <...>. Ощущение теплоты в сердце, груди или во всем организме — очень распространенное и, по-видимому, общедоступное экстатическое переживание. Его испытывают мусульманские дервиши во время общего "зикра", их "сердцу делается *необыкновенно тепло* и приятно"⁶⁹, экстатики разных времен и стран, а христианские подвижники подробно разработали целую теорию молитвенного ощущения теплоты. В житии сибирского подвижника Петра Мичурина говорится об одном его молитвенном приступе: "Вдруг пришло великое действие молитвы и воскипело сердце его внутрь, как вода от огня; в ту же минуту,

---

⁶⁷ Элементы пересечения между традициями шаманов и христоверов будут нами рассмотрены в этой же работе, но чуть позже.

⁶⁸ Это то же самое, что выход астрального тела из тела физического, «экстериоризация» или «астральная проекция», в англоязычной литературе – "OBE", т.е., Out-of-Body Experiences.

⁶⁹ *Казанский, К.* Суфизм с точки зрения современной психопатологии, Самарканд, 1905, с. 83.

словно потоки теплые потекли во все суставы и члены тела его, в руки и в ноги, в лицо и во все части; и от сего действия весь он согрелся"»⁷⁰.

В практике христоверов эта теплота (как правило, в районе анахата-чакры, т.е., в области сердца) доходит нередко до сильного жара («жжения нестройного» – по св. Григорию Синаиту), а также совмещается или чередуется с не менее сильным переживанием холода. Здесь, как и в случае со «смехорыданием», мы имеем как бы противоречие: известный во многих традициях «огонь в груди» совмещается здесь с чувством озноба, переживанием лихорадочного холода. Как правило, холод появляется не сразу, а либо по ходу радения («в момент развития экстаза»), либо же – на самом его завершающем этапе.

Осложнённые спазмы

Наконец, *третий вид дыхательных спазмов*, названных Коноваловым *осложнёнными*, включает в себе стоны, сокрушенные вздохи, дикие крики на разные голоса. В русской традиции такие явления называют кликотой, в традиции народа коми – шева⁷¹, в иудейской каббале – дибук⁷². Чаще всего под кликотой понимают либо своего рода «сомнамбулизм» (мнение доктора Краинского), либо подселение в человека сущности-паразита. Сущность эта может вести себя по-разному. Все эмоциональные и термические перепады (жарко-холодно, грустно-весело и т.д.) связаны исключительно с её активностью – как «внутренний гость» и «вторая душа» она может вступать в конфликт с «первой», забирая себе её жизненную силу и подчиняя своей воле телесную оболочку⁷³.

Говоря языком Аристотеля, «шева» становится первой энтелехией естественного тела, отодвигая «форму форм» (то есть природный разум отдельно взя-

---

⁷⁰ Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз...

⁷¹ Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. – СПб.: Алетейя, 1997, с. 108-129.

⁷² Шолем, Гершом. Основные течения в еврейской мистике. – М.: Мосты культуры, Иерусалим: Гешарим, 2004, с. 451.

⁷³ В немецком языке понятие «одержимый» – der Besessene – буквально и означает такого человека, в котором или на котором кто-то сидит, т.е. человека оседланного и объезженного. О феномене беснования написана обширная литература. См., напр. Oesterreich K.T. Die Besessenheit. 1921. Otto R. Das Gefuehl des Ueberweltlichen. 1932. S. 289 f. Deubner L. Lustrum // Archiv fuer Religionswissenschaft, 16, 1918, 134ff. Hampp J. Beschwoerung, Segen, Gebet. 1961. Buschan G. Ueber Medizinzauber und Heilkunst im Leben der Voelker, 1941.

того человека) куда-то на второй план. Отсюда – невысказанные чудачества одержимого кликотой, начиная от подражания животным, и заканчивая потопом брани, кощунственных слов и пророчеств. Однако чаще всего весь тематический репертуар кликуши ограничивается гуканьем, бормотаньем и прочими нечленораздельными звуками. Поэтому в некоторых севернорусских говорах кликушество (или «кликоту») называют просто «икотой» – от специфически местного словечка «икать» в смысле «звать, кричать»⁷⁴.

Эти призывания Духа существуют также в форме стонов. До тех пор, пока Дух не «накатит», христоверы могут часами протяжно стонать, сокрушаясь: «Что-то Батюшка не едет», либо просто ускоряя выкрики «ох-ох», идущие как бы по нарастающей. Когда же событие произойдет, и Батюшка приедет, христоверы начинают кричать на разные голоса. Голоса эти, разумеется, не совпадают с естественным голосом того, кто кричит. Можно, конечно, назвать это по старинке «изменённым состоянием сознания», однако в реальности всё было иначе. Либо сознание не менялось вообще, а просто «входило в некие миры» (назовём ли мы их «астральным планом», миром претов⁷⁵ или как-то иначе – от этого вряд ли что-то изменится), либо же менялось не только сознание, но и вся манера поведения – голос, походка и т.д.

Впавший в экстаз как бы внутренне копировал чуждое ему существо, выдавая вовне всё то, что бы стало делать оно. Если таким существом – а так было чаще всего – оказывалось животное, то христоверы в экстатическом порыве начинали подражать бляению овцы или мычанию коровы, куковать кукушкой, заливаться собачьим лаем и т.д. На радениях донских христоверов «Богородица» Аксинья Кучмина «иногда трепетала, плакала и кричала странно: сидит, сидит, да и начнет кричать – андо непристойно»⁷⁶. В этом смысле показателен один из кораблей людей Божиих, бывший в Орловской губернии – помолвившись Богу, тамошние хлысты громко куковали кукушкой, однако после того, как они все «приклонились под покров Отца-Искупителя» (то есть оскопителя, иначе говоря, приняли скопчество), эта практика кукования тут же исчезла. На её место заступили совершенно иные психотехники, о которых нам ещё предстоит поведать чуть ниже.

---

⁷⁴ Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – М.: ОГИ, 2002, с. 324 сл., Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т., Т. III. – М.: Индрик, 1994, с. 634-635.

⁷⁵ На языке буддистской традиции так именуют «голодных духов».

⁷⁶ *Донской Голос*, 1881, № 84.

Бытующее мнение, будто в «спазмах» кликотников отсутствовал всякий ритм, скорее всего, является ошибочным. У любого неистовства есть своя динамика – пребывая в экстазе, христоверы пытались воспроизвести некоторый ритм. Даже бессвязные слова, вскрикивания кукушкой или «петушиному», были не лишены этого трудноразличимого, однако вполне реального ритма, который сначала шёл на ускорение – хлысты вопили всё чаще и чаще, разгоняясь *crescendo* и доходя до внутреннего предела, чтобы затем как бы обмереть и тут же прекратить вопления, перейдя на новую фазу «накатывания Духа». Даже по тембру у голоса кликотников была своя особенность. Пронзительно-звонкий, призывный и как бы лающий уже сам по себе, этот голос мог не только выражать состояние того, кто кричал, но и вызывать соответствующие состояния у тех, кто только готовился ко вступлению в «Пьяный Поток» бессловесной стихии звукоподражания.

Для нас сегодня представить себе хлыстовский корабль, полный разного рода человеческих визгов, мяуканья, кудахтанья и т.д. – это если и не «верх религиозной экзотики», то, по меньшей мере, «как-то не совсем обычно». В церкви так не бывает, но зато бывает в других местах, о которых сейчас говорить не будем. Важно вот что: в мире русской деревни – а это именно целый мир, на сегодня безвозвратно убитый эпохой «господства пролетариата» – в этом мире такие вопли отнюдь не казались за пределами необычными. Та же блеющая Аксинья могла ещё пойти в обычную церковь и там в тишине и сладости помолиться сердечно пред иконой святого с собачьей головой (псоловца св. Христофора). Подобные иконы и до сих пор хранятся в различных собраниях Костромы и других старинных русских городов, вызывая у некоторых невольные мысли о параллельных цивилизациях, наших древнейших предках и людях до потопа⁷⁷... В этой необычной перспективе христоверческое звероподражание вполне может показаться не просто «одержимостью» (так у богословов), «безумием» (так у психиатров), «осложнёнными спазмами» (так у физиологов) или «яркой формой религиозного экстаза» (так у религиоведов), но и прямым контактом с внеземной цивилизацией «Тео-Зоо»⁷⁸, то есть с теми Богами, которые с древности являлись людям под видом животных. Перебрав мыслимые и немыслимые гипотезы, разум человеческий по известному закону круга рано или поздно возвращается к «исходной фактуре» – христоверы во время радательной возгонки экстаза *просто* блеют, *просто* лают, *просто* мячуют и т.д. А почему так оно происходит – Бог весть.

---

⁷⁷ Шемшук В.А. Возвращение Рая на Землю. – М.: ЛАД, Всемирный фонд планеты Земля, 2005, с. 208, 21, 89, 100 и др.

⁷⁸ Термин «теозоология» постарался ввести в научный оборот известный ариософ Австрии Йорг Ланц фон Либенфельс – в своей работе «Теозоология»: *Liebenfels Georg Lanz von. Theozoologie. Wien usw.*, 1905.

Интересное объяснение предложил А.А.Панченко – один из крупнейших на сегодня знатоков хлыстовства. По его версии, «устаи кликуши деревенский мир говорил то, что не могло быть сказано другим образом»⁷⁹. Это, как бы, своеобразное юродство – правдивый, яркий и совершенно неформальный способ повествования о сокровище. По мере того, как темпы радения ускоряются, это сокровище начинает выходить на поверхность: внутренний зверь начинает мурлыкать, внутренний (второй, третий – неважно) человек принимается голосить, а внутренний Бог начинает давать откровения.

Членораздельные крики

Сюжет этих «откровений» весьма интересен. Говоря условно, у него было два «уровня» – уровень верхний (смысловый) и уровень нижний (речитативный). В обоих случаях изрекались вполне «приемлемые» фразы, однако если в первом случае они были вполне ясны, как бы прозрачны для понимания, то во втором их и не нужно было понимать. Постигание происходило совершенно на другом уровне – эти фразы всего лишь стимулировали экстаз, как бы «возгоняли» состояние до уровня откровений.

За примерами подобной «бессмыслицы» далеко ходить не нужно. Опытная хлыстовка *«учала кричать и вопить, собакою лаять, и козю блекотать, и кукушкою коковать»*. Но бывали коллизии и посложнее. К примеру, голосившего *«как будто покрикуша»* хлыстовствующего (а, быть может, и впрямь хлыстовского) субъекта замечали в говорении «на разные языки»: отрывистые и странные, почти что судорожные звуки слагались в «картине сектантского экстаза» в единую цепочку навеянных духом басурманских изречений: *«котеро, теро, муро, коро, поро»* – импровизировали в наитии падавшие на пол сектанты, пытаясь вместить в себя знание иного мира.

Над этими фразами традиционно принято почему-то подсмеиваться. Слыша в устах какого-нибудь шелапуты странную несурзаицу (навроде *«Царь Царём и Дух Духом»*, *«ой, лихо мне»*, *«котеро, теро, муро, коро, поро»*) – со вспрыгиванием на скамейку и прихлопыванием в ладони – мы почему-то думаем, что у этого абсурда вообще не было никакой внутренней логики, никакого сокровенного смысла. Ан нет.

Вот одно из наиболее показательных описаний хлыстовского «дара языков». Пророчица Мавра Ермакова показала о себе самой: *«Дух святой во мне, Мавре, обнаружился чтением не зная грамоты, говорю я, сама не знаю что, и да-*

---

⁷⁹ Панченко А.А. Христовщина и скопчество, с. 333.

же на неизвестных мне языках, а после, когда этот дух успокоится, я даже и не помню, что говорила". На собраниях позднейших тамбовских хлыстов также раздавалось языкоговорение. При производстве следствия о хлыстах села Верхоценья в 1886-1887 гг., свидетели-очевидцы показывали, что на молениях сектантка Ирина Сухова "выкрикивала" и "говорила с пророками на разные языки, так что ничего нельзя было понять из их разговора". Такие примеры, в обилии приведённые в указанной работе Д.Коновалова, можно было бы перечислять до бесконечности. Важнее понять общий принцип: для «говоривших языками» то, что они изрекали нередко оставалось полнейшей загадкой, и тем не менее сами эти «членораздельные крики» слагались в законченные фразы, о смысле которых мы можем только догадываться.

Тексты хлыстовских глоссолалий⁸⁰, изобилующие непонятными русскому уху словами, могут стать яснее лишь в том случае, если мы не будем рассматривать русские мистические секты в отрыве от единого индоевропейского древа – красивыми, хотя и причудливыми плодами которого явились по-своему и шелапуты, и молокане, и духоборы, и христоверы, и даже скопцы, о которых предстоит поговорить отдельно...

Ведические корни хлыстовства

Вот лишь некоторые наиболее показательные примеры. Был такой известный автор, писавший на темы хлыстовства – Павел Иванович Мельников (он же Андрей Печерский). В своё время он являлся одним из крупнейших специалистов по расколу и народным духовным движениям. Будучи чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Нижнего Новгорода, П.И.Мельников помимо поручений местного начальства выполнял также задания министра внутренних дел и даже Высочайшие повеления относительно различных «мистических сект» и толков народного Православия. Выполняя различные поручения, Мельников «имел некоторые случаи пользоваться полною доверенностью сектаторов и узнавать от них много такого, чего никогда не узнаешь ни посредством чтения книг, ни посредством формальных следствий»⁸¹. В ходе такого рода собеседований он собрал колоссальный полевой этнографический материал, который частично опубликовал в своих

---

⁸⁰ «На сегодняшний день глоссолалия остаётся до конца не изученным и многогранным явлением» – честно и обтекаемо признаётся один из авторов (*Кобызов Р.А. Глоссолалия // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический Проект, 2006, с. 241).*

⁸¹ *Мельников П.И. (Андрей Печерский). Тайные секты, с. 106.*

научных исследованиях (работах «Тайные секты», «Белые голуби» и т.д.), а также в разных романах. Но дело не в этом.

В третьей части (глава IV) одного из мельниковских романов (а именно «На горах» – удивительно интересная книга!) подробным образом описывается жизнь хлыстовских общин с правобережья Волги, и вдруг – посреди самого повествования – автор приводит совершенно неожиданный текст – текст одного из хлыстовских откровений, звучащий в виде песни и ритуально исполнявшейся во время радений. Радение шло своим чередом, в описании Мельникова – в сионской горнице одной из барских усадеб в Луповицах – и вот, после долгого «верчения на кругах», на тамошнего юродивого Сафронушку внезапно «накатило». Сафронушка обмер и громко запел:

А писано тамо:
Савишраи само
Капиласта гандря
Дараната шантра
Сункара пуруша
Моя дева Луша.

Автор тут же поясняет: «Только и поняли Божьи люди, что устами блаженно-го дух возвестил, что Луша – его дева. Так иные звали Лукерьюшку, и с того времени все так стали звать её. Твёрдо верили, что Луша будет “золотым избранным сосудом духа”». Но в действительности Сафронушка пропел совершенно о другом. В двадцатые годы XIX века на корабле людей Божиих Александра Петровича Дубовицкого этими же словами говорил один из пророков, а бывшие на радении члены корабля «думали, что это по-индийски».

Один из крупнейших отечественных санскритологов, классик отечественной индоевропеистики и сравнительного религиоведения, В.Н.Топоров, полностью подтверждает «индийскость» хлыстовского откровения. «Уже при первом знакомстве с ним легко обнаруживается, что весь текст в целом носит «санскритский» характер», и в нём почти нет ничего такого, что было бы заведомо несанскритским, противоречащим ему»⁸².

Будучи бесспорно арийским, это откровение было, по версии В.Н.Топорова, передано в виде мистической глоссолалии, то есть «говорения языками»,

---

⁸² Топоров В.Н. Об одном образце «говорения языками» в русской мистической традиции // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. Т. I. – М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988, с. 160-164.

при котором важна была чёткая ритмичность и духовная преемственность с традицией Древней Индии. Некоторые фразы этого «русского санскрита» были осмыслены кардинально по-своему: в одной из сносок Мельников говорит, что последняя (очевидно – русская) фраза звучала в роспевце иначе – «мая диво луча», но затем (за непонятностью) была переименована на русский манер, превратившись в панегирик хлыстовской «Богородице» по имени Луша.

Другое имя, загадочное «Дараната», по версии Топорова «отсылает к имени известного тибетского автора XVII в. – Taranatha, составителя компендиума по буддизму (само имя tara- “Спаситель”, “защитник”, и natha- “убежище”, “помощь”, “защитник”, “обладатель”, “господин” и т.п.), и в таком случае можно говорить о своего рода “буддийском” фрагменте текста. К нему, вероятно, подключается и капиласта – kapila- “красновато-коричневый” и asta- “Родина”, “родимое место”, но особенно – Kapilavastu- место, где родился Будда»⁸³. Если Дараната есть и в самом деле Тара-Ната, то есть Убежище Спасителя, то весь гимн можно истолковать как предание о Белой Индии – Родине Христов и Богородиц в традиции христоверов. Добавим к этому, что жившие в Российской империи ламаисты именовали русских императриц – к примеру, Екатерину II, воплощением Белой Тары – высшего Божества и Спасительницы мира⁸⁴.

Сохранились предания христоверов – о том, как за получением передачи они путешествовали далеко «в страну Востока» – через Казахстан и Бурятию – в Монголию и даже ещё дальше. Хотя, впрочем, как говорил гениальный автор XX века Луи Фердинанд Селин, истинные путешествия – это те, которые происходят, когда человек никуда не движется и не едет, а просто сидит на месте. Или, как в нашем случае, усиленно «вертится»...

Мая диволуча

«Этот Род (дом) подобен богатству» – говорится в одной из строк хлыстовского гимна, если следовать В.Н.Топорову. К сожалению, связного перевода целого роспевца этот учёный не предложил – такой перевод выполнила одна лишь Наталья Романовна Гусева – крупнейший современный специалист по санскриту и вообще едва ли не первая в России женщина-санскритолог. Вот

---

⁸³ Топоров В.Н. Об одном образце «говорения языками» в русской мистической традиции, с. 163.

⁸⁴ Мялль Л.Э. Тара // Мифы народов мира. В 2 т. Под ред. Токарева С.А. – М.: Советская Энциклопедия. Т.2, 1992, с. 494.

как читается «индийский распевец» в переводе Н.Р.Гусевой: «Сначала мне показалось, что эти слова напоминают по своему звучанию цыганскую речь, фонетически близкую к новым индоарийским языкам, в состав которых входят цыганские диалекты. Но проконсультировавшие меня представители цыганской интеллигенции отвергли эту гипотезу. Тогда я обратилась к языкам хинди и древнеиндийскому классическому санскриту и теперь могу предложить такой вариант перевода песни: вишран (санскрит) – «одаривать»; савишран (санскрит) – «обладающий силой одаривания»; само (санскрит) – звательный падеж от слова «сама» – «равный», «подобный»; капила (санскрит) – «солнце»; аста (санскрит) – «пребывающий»; гандря (явно измененная форма слов гандха, гандхарва, санскрит, хинди) – «душа», гандхара (санскрит) – «океан», дараната (видимо, даранатха, санскрит) – «владелец раковины»; шантра (вероятно, слово, восходящее к шанта, шанти, санскрит) – «мир», «покой» или же к шантраджас – «спокойный», «бесстрастный»; сункара – здесь тоже возможны варианты: к сукара (санскрит) – «творящий добро», сукхкара (санскрит) – «приносящий счастье»; пуруша (санскрит) – «человек»; майя (санскрит) – «чудо», сверкание; диволуча (видимо, это диворуч, санскрит) – «светящий с небес».

Результатом таких словосочетаний предположительно и была «индийская песня», очевидно, воспринятая на слух. Похоже, что изначально это мог быть гимн индусскому Богу Вишну, фонетически и грамматически искажённый в изложении хлыстов, но тем не менее вполне понятный по смыслу:

*О Ты, Всеравный, Одаривающий,
Пребывающий в Солнце (в душе Солнца, или: «душа Солнца»)
Умиротворённый Владелец раковины,
Творящий добро (несущий счастье) человеку,
Чудо, светящее с небес.*

Уточним: «Владельцем раковины» называют в Индии Бога Вишну, и иконографически его всегда изображают с раковиной в одной из четырёх его рук»⁸⁵. «Теории, выдвинутые для объяснения Бога Вишну, отличаются удивительным расхождением точек зрения. Преобладающий взгляд, согласно которому Вишну есть солярное Божество, в последнее время часто подвергался сомнениям и критике. Кроме Солнца в нём стремились увидеть то Луну, то Бога Огня, то Сому, то Бога гор, связанного с растительностью, то Бога плодородия, то Божество, связанное с Вритраханом. О нём говорили то как о пробудителе жизни, то как о жертве либо фольклорном воплощении Брахма-

---

⁸⁵ Гусева Н.Р. «Индийская песня» хлыстов // Родина. 1997, № 11, с. 67-69.

на и Атмана, то как о почитаемом и умилоствляемом Боге. Высказывалось, далее, предположение, что «первоначальный характер Вишну» относился к неарийским либо протоиндийским религиозным воззрениям. В нём видели Бога философов, также «позднее народное» Божество, шагающего гиганта, аниму, сущность предков и в то же время солнечную птицу, Бога эволюции, движения либо имманентности»⁸⁶. Как бы то ни было, именно с Вишну связана вся теория Аватар – по нашему мнению, в этом и ключ к разгадке непонятного санскритского песнопения.

Будучи ключевой доктриной всего хлыстовства, теория Аватар в исполнении христоверов послужила основанием для абсорбции глубинного и пока что совсем не изученного пласта индоевропейской религии, присутствующей в христоверии и в так называемом «народном православии» как таковом. По сути, это и не православие вовсе, то есть никакая не ветвь христианства, а, скорее, аватара, реинкарнация глубоких мистерий дохристианской древности.

Русский санскрит: эзотерика народной веры

Таких вот примеров загадочного «русского санскрита» было в «народном православии» немало. Подобно «Индрик-Зверю», который на самом деле был Богом Индрой, сакральные формулы русского санскрита как бы «сопровождали» официальное христианство, дополняя его экзотерическую тональность песнями гностических мистерий.

Характерно ведические гимны, написанные на санскрите, мы встречаем также на некоторых Богородичных иконах, писавшихся в северорусских монастырях в XV – XVI веках. Приведём лишь два наиболее необъяснимых и удивительных примера. Первый из них – это текст на ложе Богородицы в иконе «Успение» из Кирилло-Белозерского монастыря (конец XV в.), которая ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее. Благодаря исследованиям интереснейшего современного религиоведа Е.С.Лазарева этот материал получил недавно всестороннее осмысление в связи с культовыми «индийскими» песнями хлыстов. Вот текст этой загадочной надписи, в его русской транскрипции, вероятно, соответствовавшей тому, как читали его сами создатели:

---

⁸⁶ Кёйпер, Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1987, с. 101. Подробнее см.: Дандекар Р.Н. От Вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. – М.: Восточная литература, 2002, с. 67-84.

Джатам сатанам ко джаньям дата,
Эка джаньям амсаджана ко датам?
Ко джаньям бхагам джанья,
Ко джаньюм джанья радам,
Кам джаньямджаньям канна, Дженьям джаньям нья [...].

Евгений Сергеевич Лазарев предлагает следующий вариант перевода:

«Из рождённых кто одарён освящённым рождением,
Кому дано не в одном рождении обитать?
Кто в рождение благое рождается,
Кто рождается в щедрое творение,
Кого услаждает рождение-нерождение –
Верный путь благородных рождений [...]?»⁸⁷.

В тексте различаются два вида рождений – «первое рождение» (по плоти, «неблагое», «скупое рождение») и «второе рождение», полностью от него отличное. Это «рождение благое», «щедрое творение», настолько отлично от «первого рождения», что автором текста оно обозначено даже как «рождение-нерождение» и как «верный путь благородных рождений»...

В Индии традиционно под «вторым (или благим) рождением» подразумевается посвящение, а прошедшие его (такowymi могут стать только представители высших Варн – брахманы и кшатрии) именуется «дважды-рождёнными» (двиджа). Лишь только дваждырождённым позволялось проводить определённые ритуалы, а также читать и рецитировать целостный ведический текст, включающий секретные писания (*secret textes*)⁸⁸.

В славянско-ведической традиции, засвидетельствованной в этом отрывке, речь шла, ко всему прочему, также и об иконе, на которой был показан канонический сюжет Успения Богородицы. В этом контексте «рождение-нерождение» есть лишь переход в иную, послесмертную реальность – рождение в Вечности, символом которого оказывается душа Богоматери в виде спелёнутого младенца на руках у Христа.

Вторая Богородичная икона северного письма с надписью на санскрите – это икона Богородицы Ярославской, написанная в 1564 году новгородским ма-

---

⁸⁷ Лазарев Е.С. К вопросу о знаковых системах русского гнозиса // Россия и гнозис. Материалы конференции ВГБИЛ 22-23 марта 2000 г. – М.: Рудомино, 2001, с. 62-80.

⁸⁸ *The Laws of Manu*. Transl. by Wendy Doniger and Brian K. Smith. – L.: Penguin, 1991, p. 34.

стером Панфилом Третьяком и хранящаяся ныне в музее Новодевичьего монастыря. На кайме мафория Богородицы мы читаем следующее:

«Варани, Вага-джа, Харе!
Наваше раваше равашу вара
Райяра пибана джата:
Ванаджанья ра шуньята шара –
Пешана та ира бханара;
Шаванашвара Йа тара
Таджаса варах, Са Йам риша [...]».

Эта надпись получает в переводе Е.С.Лазарева следующее прочтение:

«Избранная, Слово родшая, Владычица!
Пожертвованиями новой пищи окружает [нас]
Струящееся рождённое Питьё:
Рождённый в отшельничестве источает пустынные Воды
Этот украшенный воззванный Напиток;
Владыка Силы, Который спасает
Исполненные огня желания; Тот, Которого ранят [...]

Текст исключительно многозначный. Главный его мотив соотносится с известным образом Христа как "Источника Воды Живой"; в этом христианском контексте и "Вага-джа" переведено как "Слово родшая". Однако, строго говоря, на санскрите это скорее означает "Словом рождённая (=ый)" – рождённая той Божественной Речью, Которая, согласно Ригведе, превыше Богов (РВ X, 125). Тогда тут говорится о рождении не Сына, а Матери; о рождении от Речи – иной мифологический контекст. Пожалуй, этот контекст наиболее «ведичен» (хотя и нуждается в детальной проработке). Ведическое соответствие обнаруживается и у "исполненных огня желаний": в РВ IX, 83, 1 посвящённые люди определяются как "варёные" – в противоположность непосвящённым, тем, кто обладает "непылающим телом"⁸⁹.

Наследники Белой Индии

Остаётся прояснить лишь один существенный вопрос: откуда эта – без всяких кавычек – индийская песня могла попасть на хлыстовский корабль? Ответ Н.Р.Гусевой достаточно прост: были торговые связи, астраханские купцы плавали по Каспию, доплывая до Персии и Азербайджана... Добавим к этому

---

⁸⁹ Лазарев Е.С. К вопросу о знаковых системах русского гнозиса, с. 68.

указание Мельникова: наши торговцы «знали цену индийским рупиям» – тогда почему же им не знать толка в индийских песнях, не слышать индийских молитв к Богу Солнца?? Эти моления – и в древнейшие времена, и поныне – проводятся в Индии вполне открыто, на природе, при большом скоплении народа. «Всеравный» Вишну, издревле почитавшийся именно как «Божество для всех» (от корня виш – «весь», т.е., весь народ) никак этой гипотезе не противоречит, скорее наоборот.

Однако возможны и другие объяснения. Тот же Е.С.Лазарев склоняется к мысли, что на Руси существовала совершенно автономная гностическая традиция, то есть внутренне стройный корпус идей и ритуальных практик, по своему близких к традиционному индуизму и, быть может, являющихся его отголоском. Называя эту традицию «ведийским русским Гнозисом», Е.С.Лазарев ссылается на письмо брахми, распространённое в Индии царём Ашокой и ставшее основанием алфавита деванагари, на котором записана вся сакральная литература индуизма. Это письмо брахми было, по реконструкции М.Л.Серякова, основой русской докириллической письменности, относившейся к единому фонду индоевропейского наследия, коим пользовались как индийцы, так и славяне⁹⁰...

Если это действительно так, то мистические сектанты Руси вполне могли передавать знания своих же пращуров – вместо того, чтобы куда-то путешествовать и у кого-то «стажироваться». Дошедшие знания являются лишь обрывком – как обрывочны, в прочем, любые научные знания – до тех пор, пока мы не получим прямого ведения через носителей традиции, либо, как минимум, не примемся сличать разные религиозные практики. Сегодня это лишь два пути, позволяющие хоть как-то реанимировать наследие «Белой Индии»...

«Радения» и «беседы»

Радение придаёт жизни особенный вкус. Этот вкус настолько уникален, что сравнивать его с чем-либо другим, пусть даже величественно-мистериальным, захватывающе-волнительным и тревожным – это пустая трата души, воистину тщетный расход чернил. В этом состоит вся осознанная нами слабость сравнительного религиоведения, в этом же – и вся пока ещё далекая и манящая – сила Космогонического Эроса. Осознавший себя в ритуале перестаёт осознавать ритуал как себе внеположное – бессознательное понимание того, что происходит не есть ещё основание, чтобы это происхо-

---

⁹⁰ Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность. – СПб., 1997, с. 36-42.

дящее ставить в один ряд с чем-то иным. Тот, кто по-настоящему пережил – как правило, так не делает.

Говоря совершенно просто, вся ритуалистика христоверов (равно как и скопцов, в этом отношении ничуть от неё не отступивших) распадается на два основных момента. Это – два типа ночных собраний, «богопротивных сборищ»⁹¹ – по забавному выражению синодальных иереев, своего рода Великие и Малые мистерии хлыстовства. Первый тип, как водится, вполне зауряден; это просто собрание, ради обычного моления – оно называется «беседа». Второй же, куда более интенсивно насыщенный и по-своему провокативный – это знаменитое «радение».

Беседа – это и в самом деле «слова, слова, слова». Своего рода «Малые Мистерии» для тех, кого принято звать «новоначальными». Беседы в кругу годового Богослужения занимают много времени – это время как бы обратно пропорционально по отношению к интенсивности того, что там действительно можно пережить. Это ещё полдела – оглашение для неопитов с пением духовных песен – но без пророчества и неистового скакания в Духе, заповеданного царём Давидом и входящего в суть «работы Божией».

«Работа Божия» («Богovi потрудиться, покружиться, походить в Духе») – это и есть по преимуществу **радение**. Христос, молившийся в вертограде до кровавого пота, есть поистине основатель радений – взмыленные в экстазе своих вращений христоверы выжимали собственные рубахи, и потоки текущего пота как бы свидетельствовали об истинности (читай «истовости») того, что происходит. Это и называлось «молиться с усердием».

Трочастное радение: «молитва Иисусова»

Радение начинается следующим образом. «Один из пророков или пророчиц выходит на середину («выходит на святую округу»), запекает молитву; собрание вторит хором... Затем начинается пророчество – сначала общее, потом каждому в отдельности... Затем начинается радение... Радения, или кружения, бывают одиночные, когда пророк или пророчица кружится на одном месте слева направо – «посолонь», т.е. по ходу солнца. По рассказам скопцов, некоторые в одиночном радении доходили до такой быстроты, что радельная рубашка натягивалась, как парус. Далее идут радения общие, основные виды которых: кораблём, стенкой и крестиком... Все они сопровож-

---

⁹¹ См.: Чистович И.А. Дело о богопротивных сборищах и действиях // ЧтОИДР, 1887, кн. II, отд. 1.

даются пением соответствующих распевов и большей или меньшей интенсивностью движений. Радения продолжаются иногда далеко за полночь, а в некоторых случаях и всю ночь. Пот льётся градом; платье промокает так, что нигде нет сухого места»⁹².

Всё радение распадается на три основные части. Сначала следует так называемая «молитва Иисусова». Это песнопение читается всеми многократно, громко, с придыханием и особой медитативной концентрацией. В устоявшемся виде христоверческая «молитва Иисусова» звучит следующим образом: «Дай нам, *Господи*, к нам Иисуса Христа, Христа, Сына Божия»⁹³...

Связь с особыми дыхательными практиками, внешнее звучание и смысловая задача, не говоря уже о самом названии этой молитвы – всё это явно отсылает нас к исихазму, особой эзотерической школе православных монахов, нередко именуемой «христианской йогой». Суть исихазма состоит в непрерывном повторении особой сакральной формулы («Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных»). При этом сама ритмика исихастской «молитвы Иисусовой» как бы накладывается на ритмику дыхания. Получается, что на вдохе молящийся монах интенсивно вбирает в себя «Господа Иисуса», а на выдохе – столь же интенсивно выдыхает «себя грешного», тем самым, заменяя своего «ветхого Адама» на «Адама нового». При этом один Адам как бы рождается из другого – по мере нисхождения экстаза и «Фаворского Света».

Золотая Цепь (или, на языке христоверов, «духовная верва»), связующая двух Адамов – это нить, проходящая через пуп (манипура-чакру). Именно поэтому весь хлыстовский экстаз начинается с «трепетания в животе». По этой же, видимо, внутренней причине исихастов именовали «*омфалопсихами*», то есть теми, кто помещает душу в районе пупка⁹⁴. Им приписывалась загадочная практика *омфалоскопии* – то есть, созерцания этого пупка.

---

⁹² Волков Н.Н. Скопчество и стерилизация. Исторический очерк. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1937, с. 69-70.

⁹³ В конце 1720-х гг. к этой (канонической для христоверов) формуле «Иисусовой молитвы» добавляется также прошение о заступничестве Пресвятой Богородицы («Пресвятая Богородица, упроси об нас Сына Своего и Бога нашего, Тобою спасёт душа наша многогрешная земли»).

⁹⁴ По-древнерусски «живот» – это жизнь. На известном индийском изображении из пупка Вишну, лежащего на свернувшейся змее Шешу, вырастает лотос, в венчике которого восседает Брахма. Стебель этого лотоса обычно рассматривают как своеобразную пуповину, соединяющую двух Богов, находящихся в отношении постоянного взаимопорождения. (*Древо индуизма* – М.: Восточная литература, 1999, с. 140).

«Несомненно, что “омфалоскопия” существовала в аскетической практике того времени как один из вспомогательных приёмов молитвы»⁹⁵.

Другим её методом была полная синхронизация биоритмов, прежде всего ритма дыхания и сердцебиения. Обращение ко Спасителю как бы сливалось с процессом дыхания, в результате чего, по свидетельству св. Григория Паламы, «тело тоже легчает и разогревается... Для меня один пот Христа во время Его молитвы (Лк. 22, 44) уже говорит о том, что от упорного моления к Богу в теле возникает ощутимый жар». «Так, когда душа неистовствует и как бы сотрясается неудержимой любовью к единому Желанному, вместе с ней волнуется и сердце, духовной пляской выдавая общение с благодатью и словно порываясь отсюда к обетованной телесной встрече с Господом на облаках <...>. Так, в напряжённой молитве, когда разогревается нечувствительный огонь, зажигается умопостигаемая лампада и томление ума вспыхивает воздушным пламенем духовного виденья...»⁹⁶.

Зикр джали и исихазм

Христоверие можно рассматривать как своеобразную славяно-ведическую модификацию исихазма. При этом ключевая для исихастов формула «молитвы Иисусовой» преломилась на русской почве совершенно неожиданно, породив в конечном итоге как минимум два очень существенных отличия. Во-первых, «Дай нам, Господи...» – это по существу такой же «вдох», как и «Господи, Иисусе Христе...». Однако отказа от «себя грешного» за ним совсем не следует. Вдох без выдоха – это в молитве полнейший аналог того, что происходило в радении, когда христоверы задерживали (на вдохе!) своё дыхание, дабы не вдыхать в себя воздуха, созданного Сатаной. Такое описание, приводившееся у П.И.Мельникова, лишней раз показывает, насколько близки были христоверы к традиции гностицизма, принесённого на Русь богимилами Болгарии. Неслучайно также и то, что христоверы любили именовать себя «богомолы», намекая одновременно и на своё преемство от богомилов, и на особую практику моления к Господу.

Второе существенное отличие «Иисусовой молитвы» у христоверов и в исихазме – в том, что исихасты просят лишь за себя («помилуй мя»), в то время как христоверы молятся за весь корабль («дай нам»). В этом же, кстати,

---

⁹⁵ *Василий (Кривошеин), архиеп.* Преподобный Симеон Новый Богослов. Париж, 1980. С. 112.

⁹⁶ *Григорий Палама.* Триады в защиту священно-безмолвствующих. – М.: Канон+, 2003. С. 94.

существенное отличие практики исихазма от мусульманского зикра (особой техники непрерывного повторения имён Аллаха, также связанной с регуляцией дыхания), с которым её иногда любят сравнивать. Однако различия здесь также весьма существенны: «при “зикре” моления совершаются, как правило, групповые, а не уединённые (как в исихастской практике). Использование при “зикре” в качестве стимулирующих средств музыкальных инструментов и алкоголя вообще делает невозможными дальнейшие сопоставления. Даже с чисто физиологической точки зрения “зикр” стремится вызывать совершенно иные состояния. К такого же рода особенностям принадлежит и сидячее положение тела – одно из общепринятых в поздневизантийском исихазме, но неизвестных более древней исихастской традиции. <...>. В практике “зикр” сидячее положение было всего лишь начальной позой, после которой “молитва” доходила до экстатического танца»⁹⁷. Последнее, кстати, не совсем верно: в суфизме различаются два разных вида зикра: *зикр хафи* (тихий зикр) и *зикр джали* (громкий зикр)⁹⁸.

Первый – вопреки Мейендорфу и прочим византинистам – является уединённой, совершенно беззвучной молитвой, творимой в полнейшей неподвижности. В этом тихий зикр (*зикр хафи*) полностью совпадает с так называемой «умной молитвой» исихастов, также стремившихся срезонировать её с ритмами дыхания и посредством этого «низвести свой ум в сердце».

В отличие от него, *зикр джали* (громкий зикр) – это ритуал групповой, руководимый шейхом и сопровождаемый громкой молитвой, а то и использованием дополнительных стимуляторов, (например, различных воскурений, музыки и, разумеется, любимого суфиями красного вина). Совершение этого зикра начинается с пения тахлила (формулы ла илаха илла-л-лаху), сперва медленного, но затем постепенно убыстряющегося. Об изменении темпа ведущий даёт знать с помощью особых восклицаний, хлопков или каким-либо другим способом. «Затем он поднимается, и за ним все остальные; стоящие во внешнем круге берутся за руки, при этом нередко закрывают глаза, чтобы сосредоточиться. Движения убыстряются, дервиши раскачиваются взад-вперёд, вправо-влево, и вдруг движения переходят в прыжки. Пение беспрерывно продолжается. Через некоторое время ведущий неожиданно останавливается, и все замирают, но *муншидун* неустанно ведёт свою партию»⁹⁹.

---

⁹⁷ Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Жизнь и труды свт. Григория Паламы. Введение в изучение. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Византинороссика, 1997, с. 196.

⁹⁸ Хисматулин А.А. Суфийская ритуальная практика. – СПб., 1996, с. 91 и др.

⁹⁹ Тримингэм, Дж. С. Суфийские ордены в исламе. – М.: София, ИД Гелиос, 2002, с. 240-241.

Знаменитые вращения дервишей относятся именно ко второму, громкому типу зикра, поразительно похожему на радения, о чём писали ругатели христоверия. Тут как бы заново возникал извечный вопрос:

... что ниша и крыша
Тому, кто влюблённо и люто
Кружится в лохмотьях дервиша
За пазухой у Абсолюта?¹⁰⁰

Трочастное радение: «баня духовная» и «пляска Иисуса»

Вторая, не менее важная часть радения – это так называемое «хождение в Духе». В книге Константина Кутепова (1854-1911) «Секты хлыстов и скопцов» выделяется целых восемь типов этого «хождения»: 'одиночное', 'в схватку', 'стеночкой', 'корабельное' ('Давидово'), 'круговое', 'в расходку', в виде 'тканья ленточек' и 'уголышком'. На самом деле, главных видов радения всего два – это радение одиночное (так называемое «хождение кружком») и радение коллективное (*круг духовный, Давыдов ковчег или хождение в корабле*).

В обоих случаях речь идёт о методиках достижения экстатического транса, выражающегося в детально расписанной Д.Коноваловым череде друг друга сменяющих психосоматических возбуждений. После стадии «возбуждения органических функций», которая была описана выше, следовала стадия «двигательного возбуждения». По описанию Коновалова, которому тут вряд ли стоит не доверять, стадия эта протекала очень зрелищно: сектанты начинали махать руками, судорожно сотрясаться, нервически гримасировать лицом, бить себя в грудь, принимать позу Распятия, раскачиваться, потягиваться, делать поклоны или падать на колени. Мы уж не говорим о знаменитых хлыстовских «локомоторных движениях», как то всевозможных скаканьях, прыганьях, кружениях, верчениях, коленных преклонениях, конвульсивных кривляньях и даже «цинических движениях таза».

Весь этот спектр человеческих телодвижений Коновалов именуется простым и коротким словом «хорея». В эпоху ранних христиан под «хореей» понимали особые экстатические пляски, некоторое подобие нашего хоровода, название которого, кстати, также происходит отсюда. По сути, речь идёт об особой форме религиозного ликования (таково буквальное значение слова «хо-

---

¹⁰⁰ Стефанов Ю.Н. Изображение на погребальной пелене. Стихотворения. Поэмы. Переводы. – М., 2006, с. 53.

рея»), которая плавно перетекает в прославление Бога в священном танце. Так пляшут «со ангелы и архангелы», священные безумцы всех времён и народов: французские крестьяне и молящиеся абиссинцы, мессалиане и терапевты, индейцы-солнцепоклонники и мусульманские дервиши... «На шалопутском радении в ст. Конеловке, в момент общего “хождения в духе”, один казак оказался в сильно возбужденном состоянии: его трясло как в лихорадке, лицо с каждым мгновением меняло свое выражение, и, наконец, он буквально как стрела вылетел на середину комнаты; бормоча непонятные слова, он кружился по комнате, едва касаясь пола ногами»¹⁰¹. Подражание «чинам бесплотным», то есть ангелам и архангелам, было одним из важнейших мотивов, заставлявших хлыстовских экстатиков «на святом Кругу катать», «хлопать крыльями» (судорожно махать руками), щебетать по-птичьи и неистово кружиться.

Истоки этого представления следует искать в святоотеческой литературе, например, у св. Василия Великого, говорившего, что «хорея – единственное занятие ангелов на небе, и блажен, кто может им подражать на земле»¹⁰². Даже самого Христа русские христоверы понимали как «Великого Кормчего», то есть **хорега** – предводителя радетельных мистерий, впервые установившего правила «хождения в Духе». В этом отношении не было существенной разницы между тем, что проповедовали христоверы, и учением древних гностиков первых веков нашей эры, дошедшим до нас в апокрифическом тексте «Деяний Иоанна». Существовала даже гипотеза, выводившая всю традицию хлыстовских радений из описанного в этом источнике «танца Иисусова» (гностического танца-кружения)¹⁰³.

После воскресения Христова – рассказывается в «Деяния Иоанна» – Спаситель снова вернулся к общине верных. Однако если каноническая версия говорит, что Христос сделал это, чтобы сотворить с апостолами Тайную Вечерю, то сюжет, изложенный в «Деяниях Иоанна» рассказан совсем по-другому. «Прежде чем Он (Иисус) был схвачен незаконными иудеями, получивши свой закон от незаконного змия, созвал Он нас всех и сказал: ‘Прежде чем я буду выдан им, воспоём хвалу Отцу и с тем выйдем навстречу тому, что предстоит’. И Он повелел нам образовать круг, взявшись за руки, Сам же

---

¹⁰¹ Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве.

¹⁰² Цит. по: Храповицкий, Антоний, митр. Отзывы о магистерской диссертации и.д. доцента Московской академии Коновалова // Храповицкий, Антоний, митр. Новый опыт учения о Богопознании. – СПб.: Библиополис, 2002, с. 260-273.

¹⁰³ Бобрик, Марина. Иисусов танец в «Деяниях Иоанна» и «радение» в хлыстовстве. (Гипотеза общности происхождения) // Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. Учёные записки. Вып. II. – М., 1996, с. 210-232.

вышел в середину и сказал: 'Отвечайте мне аминь'. И начал петь следующие слова...». Слова эти были словами древней мистериальной песни, экстатического гимна-респонсория, под звуки которого вся община кружилась в хоро-водном самозабвении коллективного неистовства. Этот гимн был также зна-нием о Логосе – особым гностическим славословием, в котором содержатся главные знания о строении мира и небесах, о спасении и преодолении само-го себя. С ликованием и плачем, с восторгом и сокрушением, с желанием распинать и быть по-настоящему распятым, первообщина христианских гно-стиков радела и пела следующий гимн Пресвятой Троице, совершая при этом круговые вращения:

'Слава тебе, Отец!
И мы, стоя в кругу, отвечали аминь.
'Слава тебе, Слово!
Слава тебе, Благодать! – Аминь.
Слава тебе, Дух!
Слава тебе, Святой!
Слава твоей славе! – Аминь».

Это троекратное прославление, подобное тысяче подобных авестийских и ведических формул, есть типичное в заклинательной практике усиление, придающее формуле – в данном случае, прославлению, – экстатический накал и большую результативность. «Чтобы заклинание имело силу, его нужно произнести трижды» – справедливо сказал в одном из рассказов Хорхе Луис Борхес. Из этой оперативной закономерности происходят такие фор-мулы, как «Трисвятой» или «Триждывеличайший»¹⁰⁴ и прочие так называе-мые «хайретизмы» (формулы прославления).

После Троицевого Бога в гностическом гимне «Деяний Иоанна» запечатлено прославление Огдоады и Додекады – то есть, высших (условно говоря, анге-лических) ярусов мироздания, о которых (во вполне характерном для мисте-рий ключе) говорится, что они кружатся в танце вместе с самими мистами, и также распевают указанное славословие:

Одна Восьмерица
Поёт с нами славу. – Аминь.
Число Двенадцать
В Вышних водит хоровод. – Аминь.

---

¹⁰⁴ Подробнее см.: Кондратьев А.В. Ермий Тривеликий: мифология имени. // Россия и гнозис. Материалы конференции 19-20 апреля 2004 года. – М.: ВГБИЛ, 2006, с. 31-46.

Вселенной в Вышних
Подобает водить хоровод. – Аминь.
Тот, кто не в хороводе,
(Истинно) происходящее не познаёт. – Аминь.

Тот, кто «не в танце» – тот «не в теме» относительно самого главного. Знание этого человека зажато в тиски того, что естественно и понятно – здесь нет ни экстатического переступания через себя, ни осмысленного («истинного» – по терминологии апокрифа) познания действительности. Поэтому справедливо сказать, что у танца-кружения как минимум две основные функции. «Первая из них – доксологическая и евхаристическая (танец как форма прославления и благодарения Бога); другая функция – мистериальная и инициационная (танец как форма мистического познания Бога)»¹⁰⁵. Это, как бы, литургия верных и литургия оглашенных, Великие и Малые мистерии гностического христианства. Сначала раздаётся слово – затем следует дело. Обращение и призыв предшествуют прошению, а прошение – исполнению того, что было испрошено. Но для того, чтобы просить – нужно сперва знать, о чём просить и кого просить.

«Тот, кому Логос не послан от Отца,
вовсе не может понять своего страдания.
Видевший, что я делаю,
Ты видел (меня страдающим) <...>.
Если бы страдание понять,
То будешь страданию непричастен.
Со страданием смиришь
и от страдания избавишься <...>.
Я подпрыгивал (в танце),
А ты постигай целое,
И, постигнув, скажи:
'Слава Тебе, Отец!' – Аминь.
Пропев, любимый, всё это в танце с нами, Господь вышел».

Эти рассуждения о страдании, его причинах и методах освобождения от него, странным образом напоминают ранний буддизм – учение царевича Гаутамы, возвестившего миру Четыре Арийские Истины (чатур арья сатьяни): истину о страдании, истину о причине страдания, истину о прекращении страдания и истину об Арийском Восемеричном Пути (арья аштанга марга). Подобно Буд-

---

¹⁰⁵ Бобрик, Марина. Иисусов танец в «Деяниях Иоанна» и «радение» в хлыстовстве. (Гипотеза общности происхождения), с. 218.

де, автор гностической песни призывает нас познать причины своего страдания – и лишь тогда, после осознания, наступит окончательное избавление от страдания. Даже Божественный Логос, распятый в материи и постоянно в ней страдающий, вряд ли смог бы освободиться, если бы не помощь Отца. Точно так же, и наша страдающая душа вряд ли могла бы освободиться, не посети её Божественный Логос – Распорядитель гностического хоровода, верховный Кормчий хлыстовского Корабля.

Предтеча всех гностиков, предполагаемый автор канонических Евангелий и (согласно Ланцу фон Либенфельсу¹⁰⁶) величайший из мыслителей-ариософов, Филон Александрийский рассказывал в одном из своих трактатов, что Логос – это подлинный предводитель мистериального танца. «Ибо Логос движется в круговом танце, который большинство людей называют случаем (*tyche*). Непрерывным потоком переходит он от города к городу, от народа к народу, из страны в страну. Что одни имели некогда, ныне получают другие. Что другие имели – то имеют и ныне»¹⁰⁷. Под началом Божественного Логоса совершаются дивные мистерии. Вместе с ним начинают вращаться небесные сферы, Восьмерица ликующе поёт славу, а «число Двенадцать в Вышних водит хоровод». Здесь имеются в виду Эоны – Божественные Сущности, изошедшие из недр Божиих в самом начале, задолго до творения видимого мира. Устройство этих славных миров подробно описано у гностика Валентина¹⁰⁸, развившего учение о Логосе в поразительную систему из 30-и эманаций Высшего Бога, эту, как назвал её А.Ф.Лосев, «универсальную поэму живых существ»¹⁰⁹.

Источником этой поэмы, с её учением о Логосе и теорией тридцати эманаций, была, по всей видимости, религия древней Индии. Немецкий исследователь Николаус Кель полагает, что вся гностическая теория Эонов была воспринята

---

¹⁰⁶ *Liebenfels* Georg Lanz von. *Bibliomysticon oder Die Geheimbibel der Eingeweihten. Ariosophische Bibeldokumente und Bibelkommentare zu allen Büchern der Heiligen Schrift, auf Grund der anthropologischen und archäologischen Forschungen und der ari-schen, klassischen und orientalischen Bibelversionen zusammengestellt. Neuauflage nach 1945. Bd. IV. Teil I. Introdution in die ariosophische Esoterik des Alten und Neuen Testaments. Wien, 1932, S. 64.*

¹⁰⁷ *Диллон, Джон. Средние платоники. 80 г. до н.э. – 220 г. н.э. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002, с. 159.*

¹⁰⁸ *Афонасин Е.В. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002, с. 321-340.*

¹⁰⁹ *Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2-х книгах. Кн. 1. – М.: Искусство, 1992, с. 242-305.*

гностиками-валентинианами из культа Бога Вишну¹¹⁰. Очень похожее вероучение имеет одна из известных вишнуистских школ, а именно, школа панчаратринов, возникшая около II-III вв. до н.э. и учившая о Верховном Боге по имени Васудэва-Нараяна, проявившем себя в мире посредством так называемых вьюх (букв. «распространений», «эманаций»).

Это проявление Васудэвы (то есть, самого Вишну) происходит как последовательное порождение им разных уровней бытия: сначала «Васудэва порождает Санкаршану и природу-пракриту; от их союза происходят Прадьюмна и манас; от них – Анируддха и принцип самосознания (ахамкара). От последних происходят пять основных элементов мироздания (*панчабхута*) и Бог-Творец *Брахма*»¹¹¹. Подобно соединениям Эонов, соединения вьюх в панчаратре также являются парными – в гностицизме этот принцип назывался понятием сизигия (буквально – «пара», «чета») и в ряде случаев выступал в качестве обоснования закрытых ритуальных практик. Эоны сочетались друг с другом, образуя Десятку (Декаду), Двенадцать (Додекаду) и Восемь (Огдоаду). Восьмерица была Высшим Миром. Она состояла из четырёх сизигий, названия которых следующие:

Глубина-Тишина,
Сознание-Истина,
Логос-Жизнь,
Человек-Община.

Эти в высшей степени абстрактные имена так и останутся загадкой, если не учитывать как минимум двух моментов. Во-первых, так называемого «основного гностического мифа», который в изложении двух американских учёных, оперирующих именами четырёх первых сизигий, звучит следующим образом. «Тайна (Глубина-Тишина) желает самопознания, поэтому пробуждается (Сознание) и представляет сама себя (Истина), воображая (Логос) концептуальную матрицу (Жизнь), в которой она отождествляет себя отдельно с каждым из индивидуальных проявлений (Человек), живущих среди других проявлений Тайны (Общество)»¹¹².

Во-вторых, всегда важно учитывать, что мифы без ритуала безжизненны, тогда как ритуал без мифического обоснования слеп. Сегодня мы можем

---

¹¹⁰ Kehl, Nikolaus. Die valentinianische Theogonie und Pancaratra. // Kairos. Bd. IX, 1967, S. 123-133.

¹¹¹ Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. – М.: Республика, 1996, с. 135.

¹¹² Фрек Тимоти, Ганди Питер. Иисус и падшая Богиня. – М.: Гаятри, 2006, с. 265.

только гадать, как в действительности выглядели ритуальные практики гностиков. Быть может, это и в самом деле были те самые неистовые (совершенно «хлыстовские», в худшем смысле этого слова) оргии, о которых говорят ересиологи, но, скорее всего, было в них много такого, что ересиологам христианства осталось попросту непонятно. Единственное, что здесь можно сказать определённо – это то, что для каждой пары Эонов справедлива такая закономерность: первый Эон обязательно имеет мужскую природу, а второй – природу женскую. Сочетаясь и кружась в бесконечности, эти небесные миры ликовали и славили Бога, совершая гностическую хорею, ритуальный танец в «Сиянской горнице»...

Логос, вращающийся в круговом танце, – это центральная мистерия всей хлыстовской традиции. Быть может, христоверы сильно бы возмутились, если бы при них священная практика радений была названа гностической. Однако есть много оснований полагать, что именно таковой она и была. За это, по крайней мере, говорит тот факт, что текст «Деяний Иоанна», был распространён практически по всей Малой Азии и Сирии, в общинах энкратитов и манихеев, не говоря уже о ересях Запада, в поле зрения которых он попадает уже в VI веке н.э. Более того, этот гностический источник бытовал на Руси под названием «Хождения по Византии Господа нашего Иисуса Христа святого апостола и Евангелиста Иоанна» и нередко принимался за житие самого ап. Иоанна. В таком виде этот апокриф сопровождал древнерусские издания Апокалипсиса, и, судя уже из этого, почитался на Руси не менее авторитетным.

Гость из котла

Хлыстовские танцы во время радения имели одну особенность – они были круговыми. Согласно дошедшим до нас описаниям, после длительного пения «молитвы Иисусовой» христоверы принимались всем кораблём водить хороуд вокруг кадки, наполненной водой. При этом мужчины образовывали внутренний круг и двигались посолонь, тогда как женщины составляли круг внешний и шли в обратном, противосолярном направлении.

Такое различие направлений было, как полагает Юлиус Эвола, «ритуальным воспоминанием о космической полярности, отражаемой в разделении полов»¹¹³. Таким же напоминанием о космических полярностях, пропорциях и ролях является и по сей день сохранившийся в православии обычай, согласно которому женщины занимают в храме его левую часть, а мужчины – пра-

---

¹¹³ Эвола, Юлиус. Метафизика пола. – М.: Беловодье, 1996, с. 150.

вую. За этим, казалось бы, не самым вторичным по своей значимости обычаем скрывается существенная антропологическая константа. С точки зрения любой традиционной метафизики (индийской, гностической, шаманской или православной – в данном случае роли не играет) мужское начало есть начало позитивное, или, как говорил немецкий романтик Йозеф Гёррес, «продуктивное», в то время как женское начало (по словам того же Гёрреса – «эдуктивное»¹¹⁴) – это начало поглощающее, тёмное и негативное. «У женщины непосредственное чувство перевешивает фантазию, в ней преобладает восприимчивость и противоположное – самодеятельность – уступает ей. Струны женского сердца настроены в тон со звучаниями внешнего мира; подвижные, они откликаются на еле слышный шепот окружающей природы.

Поэтому эдуктивное искусство можно назвать также женским, или отрицательным.

В мужчине, напротив, законодательствует Идея, собственные его начинания перевешивают натиск окружающей природы. Клавиши его души обращены вовнутрь, к центру его же существа; предаваясь вольной игре, его деятельность укрепляется за счет стенической восприимчивости»¹¹⁵. Поэтому мужчины, ориентированные центростремительно, составляли в хлыстовском ритуале внутренний круг и двигались посолонь, что полнее сообразуется с мужской природой, а женщины проявляли свою «эдуктивную» активность вовне, или на периферию. Только после этого, когда все космические законы были соблюдены, магическая «мандала» кружащегося корабля начинала по-настоящему работать. Динамический принцип танца – то есть, как верно определил Герардус ван дер Леув, «включение собственного движения в движение целого»¹¹⁶ – позволял во время радения выходить на контакт с иными пластами реальности, чему опыты глоссолалии («говорения на языках») были лишь одним из примеров.

Другим, куда более ярким примером, являлись опыты с котлом. Стоявшая в центре кадка с водой начинала, по мере кружения и вхождения радеющих в транс, наполняться дополнительными смыслами. С криками «хлыщу, хлыщу, Христа ищу» христоверы бегали «по кругам» (по одной из гипотез, от этого именно краткого распевца и происходит оскорбительное для людей Божиих название «хлысты»), полностью концентрируя своё сознание на поверхности

---

¹¹⁴ От латинского *educio* – вытаскивать, выводить, вынимать.

¹¹⁵ Геррес, Йозеф. Афоризмы об искусстве // Эстетика немецких романтиков. – М: Искусство, 1987, с. 81.

¹¹⁶ *Leeuw, Gerardus van der. Vom Heiligen in der Kunst. Guetersloh, 1957, S. 78.*

воды. Собственно, изначально никто никого вообще не хлестал – подобные садомазохистские интерпретации возникли от непонимания (вероятно, и самими «хлыстами») того, что хлестание осуществляется по воде. Изначальный вариант песенки был именно таков: «по воде хлещу, Христа ищу, встань, Христос, растянься, Христос, выйди, Христос, наружу – дай денег на нужу»¹¹⁷.

Существует очень интересная алхимическая гравюра XVIII века, на которой изображён голый король, стоящий посреди чана с водой и держащий в одной руке державу, а в другой – меч¹¹⁸. Судя по всему, «Богатый Гость» христоверов относится к этому же образному ряду, а позднейшие домыслы о том, что Христос действительно вылезал из кадки и всех одаривал золотыми полтинниками, следует списать на особенности магического этикета. Оснований для того, чтобы делиться своими таинствами с синодальными «инквизиторами» у христоверов не было никаких. Но это не значит, что не было и таинств – даже сохранившиеся скудные описания позволяют провести множество удивительных параллелей. Например, это касается магического котла.

Наследники Гундеструпа

Разного рода котлы (кадки, чаны, ушаты и т.д.) использовались во всех традициях индоевропейской магии. В «Сказаниях Красного Дракона» – сборнике волшебных преданий Уэльса и Корнуолла – есть, к примеру, замечательная история про котёл Телесина – эта история напрямую связана с христоверческим ритуалом, и потому её имеет смысл рассказать хотя бы вкратце. В незапамятные, как и положено, времена, когда в Британии только начинал править король Артур, в землях, что сейчас называются Пенлинн, проживала злая колдунья Керидвена. У неё был сын по имени «Морвран», что в переводе означает «Большой Ворон». Угрюмый, страшный и необщительный, этот Морвран получил со временем другое, более подходящее себе имя – Авагдди, то есть «Полная Тьма». Ради вот этого мрачного персонажа его матушка, жаждавшая его видеть чуть ли не главным бардом, певцом и прорицателем, задумала одну магическую хитрость, связанную с использованием котла. В положенный полуночный час необходимо было засыпать в котёл подлунных травок и, засыпав все их в котёл, варить день и ночь в течении одного года и одного дня. «В последний день выпрыгнут из котла три капли,

---

¹¹⁷ Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – М.: ОГИ, 2002, с. 257.

¹¹⁸ Она воспроизведена в книге: *Roob, Alexander. Alchemy & Mysticism. Koeln, London, 2005, p. 67*, которая скоро выйдет по-русски в нашем переводе.

хранящие все силы многих трав, и тот, на кого эти капли попадут, станет тотчас искущён во многих искусствах и наполнен духом пророчества. А варено, оставшееся после того в котле, будет самым сильным ядом, какой только может быть на земле. И от силы этого яда закричит и расколется котёл, и прольётся яд на землю»¹¹⁹. В результате, разумеется, планы колдуньи идут прахом, капли попадают на кого надо, а «кто не надо» (Керидвена и её жуткое дитя) обиженно кусают локти.

Подобного рода магические котлы – имевшие реальную силу наделять духом пророчества – глубоко исследовались в Третьем Рейхе, в недрах знаменитой организации «Аненербе». Основатель «Наследия Предков» профессор Герман Вирт описывал посвященный котел кимвров, на котором изображены человеческие жертвы, совершающиеся над сосудом¹²⁰. Этот серебряный котёл был обнаружен в 1891 году в болотах Северной Ютландии в Гундеструпе (ведомство Аальборг) и датируется концом II – началом I тысячелетия до н.э.

Самое интересное состоит в том, что в конце 2001 года ныряльщиками вблизи Бадестранд-Исинга на Химзе был обнаружен в точности такой же ритуальный котёл, только выполненный не из серебра, а из золота. Этот котёл «явно представлял собой копию котла из Гундеструпа. Однако как то, что листовое золото было прокатано машинным способом, так и довольно безжизненный стиль работы позволяют говорить о том, что это – подделка, связанная с идеологией «Аненербе» в Третьем Рейхе»¹²¹. Само по себе использование котлов напрямую связано с техникой визуализации – по одной из легенд, христоверы видели выходящим из котла не Царя Небес, а крохотного Младенца – юнговский архетип *Puer Aeternus*¹²², проекцию архаической индоевропейской гидромантической практики (ритуала гадания на водах¹²³) на образность собственно христианской веры. В другом варианте в кадку заставляли садиться хлыстовскую пророчицу, которая получала наития и тут же делилась со всем кораблём полученной «в потоке» информацией. Ю.В.Мамлеев в «Шатунах» описывает даже каких-то скопческих Богородиц, девушек лет шестнадцати, которых усаживали в кадку, отрезали им груди и,

---

¹¹⁹ *Сказания Красного Дракона*. Волшебные сказки и предания кельтов. Серия «Золотая ветвь» (Коллекция преданий и сказок Европы). – М.: Менеджер, 1996, с. 193.

¹²⁰ Вирт Герман Феликс. Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы. / Пер. с нем. Кондратьев А.В. – М.: Вече, 2007, с. 324, 502-503.

¹²¹ Биркхан, Гельмут. Кельты: история и культура. – М.: Аграф, 2007, с. 419.

¹²² «Вечное Дитя» (лат).

¹²³ В «Сказания русского народа» И.П.Сахарова эта техника описывается как «водогадание».

нарезав отрезанные груди на куски, совершали групповое причастие. Подобных рассказов «из мира русских мистических сект» существует великое множество, однако ничем, кроме богатой фантазии их авторов они, чаще всего, не подкрепляются.

Чей Бог больше?

Как мы уже говорили, первым и главнейшим смыслом ритуалов с котлом была практика визуализации: «картина сектантского экстаза» резюмировалась получением знания о будущем – в картинах и образах. Если всё проходило правильно, то информацию получали все, кто находился в потоке, то есть в подобающем экстатическом состоянии, опьянении «духовным пивушком». Если же «цепь» работала неверно (к примеру, кто-то был рассеян, а кто-то, наоборот, концентрировался только на себе, что не есть правильно), то откровение получали только пророки. Учитывая, что во все века и у всех народов количество «религиозных виртуозов»¹²⁴ было ограничено, мы не удивляемся, например, сугубо авторитарным манерам хлыстовских Христов и Богородиц. Подлинный Спаситель на Кругу может быть только один – второй всегда будет его оппонентом, в случае Христа – либо «антихристом», либо, как выражались христоверы, «Богом меньшим».

Вообще, вся тематика сравнения «чей Бог больше» или даже «кто больший Бог» – для христоверия необычайно характерна. Между хлыстовскими пророками подобные споры велись постоянно. Вот, к примеру, что рассказывает об этом отец Иоанн Сергеев. «Некоторые же, а особливо из учителей, когда случится двум или трём из них вместе сойтись на одну беседу, между собой спорят, хвалятся и хвастаются, как свойственно невеждам, каждый из них своею Божескою силою, у кого больше благодати и могущества; один из них говорит: «я то бог велик», а другой вопреки отвечает ему: «а я больше тебя»; дают иногда друг другу звонкие заушения и добрые пощёчины с тем, чтоб изведать силу заушённого, кто же из них равнодушнее и без оскорбления вытерпит оные ударения, подставляя на то и другую ланиту, то и припишут больше силы и святости»¹²⁵.

Подобная перебранка, возможная лишь при магическом понимании благодати как особой внутренней силы, встречается также в традиции «Эдды» – в

---

¹²⁴ Понятие из социологии религии Макса Вебера.

¹²⁵ Сергеев Иоанн, прот. Изъяснение раскола, именуемого христовщина или хлыстовщина. // *Высоцкий Н.Г.* Первый опыт систематического изложения вероучения и культа «людей Божиих». – М.: Синодальная типография, 1917, с. 55.

мире, где гротескная похвальба после выпитого «пивушка» также является своеобразным ритуалом. Харбард, к примеру, таким же образом бравирует своей хитростью и способностью разделить ложе с семьёй сёстрами, а хитроумный Локи устраивает между асами знаменитую перебранку, выставляя напоказ слабости каждого из присутствующих на пиру¹²⁶.

Подобно германским асам, хлыстовские пророки также бравировали своей божественностью, похвалялись своей магической силой и не терпели рядом с собой более сильных. Отсюда время от времени возникали распри: на одном корабле не могло быть два «сверхчеловека»: Сверхчеловек может быть только один.

Здесь можно вспомнить аналогичную распрю, случившуюся между двумя сибирскими шаманами, которые также что-то не поделили и с помощью магии наказали друг друга. «Летом, во время оленьего промысла, женщины и девицы убирали оленьё мясо; тогда убирали не так, как теперь, а для сего устраивали на столбах большие помосты, на которых приготавливалось мясо. Во время такой уборки один молодой шаман сидел подле одной молодой девицы. В то время проходил по улице другой молодой шаман, увидал, что подле его любимой девушки сидит молодой человек, объятый ревностью, вздумал отомстить ему посредством вражеской силы и прилепил его к помосту, на котором тот сидел. Когда время наступило уходить с места, ухаживатель не мог встать и вынужден был также употребить шаманское искусство, и этим вскоре освободился от бесовской привязи. Но теперь пострадавший также намерился наказать противника; вот как он его наказал. Когда тот пошёл в отхожее место для мочеиспускания, то спохватился, что у него нет члена, даже никакого признака не видно и невозможно мочеиспускание. Делать нечего; пошёл к своему противнику, пал ему в ноги и просил прощения, тот вынул из-за пазухи член, прилепил его на своё место и просил того, чтобы он впредь не выделял таких проделок»¹²⁷.

Хлыстовская похвальба «своим внутренним Богом» проходила ещё более красочно. Если во время радения на Кругу вдруг оказывалось более одного пророка, то между ними неизбежно происходила битва. Это была битва магов. «Из Круга у них выходят пророки и пророчицы, случается и по два вдруг, между коими нередко происходят распри и даже драки. В одном месте на празднике, при <...> учителе Иустине Иванове, когда по приказанию его

---

¹²⁶ *Старшая Эдда*. Древнеисландские песни о Богах и героях. – СПб.: Наука, 2006, с. 46, 54 сл.

¹²⁷ *Дьячков А.Е. О шаманах. // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII-XX вв.: Хрестоматия.* – СПб.: СПбГУ, 2006, с. 182-183.

начально пошла одна из пророчиц на Круг, вдруг вышла против неё другая и начала первая кружиться по солнцу, а последняя напротив; отчего родился между ними спор о силе божества их, потом драка, а наконец две сии пророчицы, схватившись за волосы, начали таскать одна другую по полу; так что помянутый учитель при всем обилии благодати своей сам усумнился и не знал, что делать с ними; напоследок удалось последней сбить с Кругу первую, почему и ходила она в Слове сколько надобно»¹²⁸. В работах французского эзотерика Рене Генона описываются похожие истории, когда между двумя буддийскими монастырями, использующими различную священную символику (правостороннюю и левостороннюю свастику соответственно) возникали острейшие конфликты только из-за того, что одна свастика повернута вправо, а другая – влево.

Кружение хлыстовских Богородиц «посолонь» и «противусолонь» в данном случае выражает ту же самую идею – кружение первой из них, ориентированное по Солнцу, оказалось в конечном счёте более слабым: она была выкинута из Круга, однако после этого победительница (кружившая против Солнца) призналась во время обеда: «кормилец, ведь я недобрый» (то есть «ведь я то – сам Дьявол»). Этих слов было вполне достаточно, чтобы «недоброй» получить хорошую «баню» из свежих розог, а той, что кружилась по Солнцу, быть наконец признанной «ходившей в Духе».

Этот ритуальный танец продолжает тематику «похвальбы» лишь отчасти. Вероятно, каждому из собравшихся на Круг было прекрасно известно, что «хождение в Духе» не может осуществляться «против Солнца», и потому решительные кружения выпоротой хлыстовки следует рассматривать как некоторую провокацию, сродни деяниям знаменитой «унтер-офицерской вдовы», или, говоря иначе, сродни мазохистскому самонаказанию. Выбирая «сатаническую, левостороннюю ориентацию», она, видимо, заранее понимала, что даже при большей силе (ей же удалось выбросить из Круга свою противницу) конечного наказания не миновать. Перед нами, таким образом, ритуально инсценированное «торжество Православия», выполненное в культе (и совершенно не распознанное миссионером-описателем) разрешение дуалистической драмы. Сюжет у драмы такой. Силы Зла и силы Добра входят в Круг мироздания, кружатся-вертятся, однако «сколько верёвочка не вейся», силы Добра якобы терпят поражение, наступает безбожный пир антихристовых, левосторонне-апостасийных сил, после чего правда сама выясняется и Зло получает своё наказание.

---

¹²⁸ *Сергеев* Иоанн, прот. Изъяснение раскола, именуемого христовщина или хлыстовщина, с. 56.

К вопросу о грибах

«Хоровод есть круг, чей центр – сам Дьявол» – чётко и бескомпромиссно формулирует блаженный Августин¹²⁹. В центре хореи всегда находится нечто или нечто, вызывающее динамические кружения, но при этом сохраняющее полнейшую неподвижность. Здесь не обязательно представлять оледеневшего дантовского Дита, торчащего своей трёхликой пастью из самых центральных и неподвижных регионов ада. Хотя, если угодно, этот образ не в меньшей степени олицетворяет идею неподвижного центра, чем августиновский «дьявол» – центр мистериальной хореи.

Дьявол это или не дьявол – решать не нам. В центре хлыстовского хоровода и в самом деле находилось нечто – старательно визуализируемый Младенец мог в процессе экстатического вращения оборачиваться Старцем, Старец – превращаться в Женщину, а Женщина – в Богатого Гостя, вылезавшего из воды и раздающего тем, кто «в потоке», золотые монеты. Все эти рассказы вполне могли быть аллегориями определённых состояний, но того, что образы и в самом деле возникали перед глазами, исключать не имеет смысла. Говоря строго по-медицински (а такое направление разговору о русской мистике было задано в «просвещённом» XIX веке¹³⁰), эти изменённые состояния, ИСС или *altered states of consciousness*, – вполне естественный факт, имевший под собой как минимум два основания.

Во-первых, у нас имеются сведения, что во время хлыстовских и скопческих радений в качестве «катализаторов» употреблялись особые грибы – красные мухоморы (*Amanita muscaria*), растущие в средней полосе практически на каждом шагу и вызывающие сильнейший галлюциногенный эффект. Перед началом радения всем собравшимся раздавалось «причастие» – как правило, это был изюм и маленькие сухарики. По сообщению В.Андреева, эти сухарики предварительно пропитывались соками мухомора, что и вызывало затем особое неистовство¹³¹. Очень похожий экстатический опыт возникал также в корякском ритуале «Тэлытл», являющемся частью аграрного осеннего праздника Хололо. Само название этого ритуала происходит от берёзовой верхушки, которую раскручивают за лахтачьи ремни во время совершения об-

---

¹²⁹ Chorea est circulus, cuius centrum est diabolus.

¹³⁰ Вот лишь два наиболее классических примера – Пеликан Е. Судебно-медицинские исследования скопчества. – СПб., 1872; Штейнберг С.И. Кликушество и его судебно-медицинское значение. // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870, № 2.

¹³¹ Андреев В. Раскол и его значение в народной русской истории. – СПб., 1870, с. 379 – 384.

ряда. «Продолжается «Тэлытл» уже в стойбище. По реконструкции, хозяин юрты опускает через дымовое отверстие ремень, с привязанными к нему мухоморами, а затем, держась за него, начинает движение по ходу солнца. Постепенно темп ускоряется и переходит в бешеный круговорот. Вслед за хозяином дома к этому действию подключаются и другие присутствующие»¹³². Они также входят в резонансное состояние и начинают вращаться по кругу, следуя за динамикой небесных созвездий и небожителей, также кружащих, трущихся спиной о земную ось, что проходит через Полярную звезду и ведёт к Высшему Богу.

С употреблением определённых галлюциногенов также были связаны и описанные выше гностические пляски и кружения. Раннехристианский ересеолог Епифаний Кипрский говорит о гностиках, что они «славились своими магическими ухищрениями, заклинаниями, приворотными зельями, праздниками любви, духами-союзниками, «галлюциногенами» и другими злодействами»¹³³. Что это были за галлюциногены? Как приходили духи-союзники? Что происходило на гностических «праздниках любви»? Отвечая на все эти вопросы, мы невольно приходим к понятию экстаза – «эдуктивно-продуктивного» вращения в Духе, осознания себя Божеством. Все подобные практики достижения экстаза коренятся в традиции древних арьев. По реконструкции основателя этномикологии Р.Гордона Уоссона, практика ритуального употребления грибов идёт совсем не из мезолита (ок. 10 тыс. лет до н.э.), как думала наука XIX века, а как минимум с эпохи верхнего палеолита¹³⁴.

Именно тогда с огромных равнин отступает ледник, он шлифует камни, возникает руническая культура, образуются мегалиты-обсерватории, появляются таёжные леса, где растут мухоморы, из которых индийские (восточные) арии делают сому, а иранские (западные) арии делают хаому. Как говорится в Ригведе, Божество Сомы господствовало не только над жрецами и растениями, не только над обетами и обрядами, но также и над небесными светилами, что вполне согласуется с тем ритуалом выхода за Полярную звезду, который происходил в гностическом хороводе и в корякской практике «Тэлытл».

---

¹³² Диксон, Олард. Мистерии мухомора. Применение галлюциногенного гриба в шаманской практике. – М.: Велигор, 2005, с. 36.

¹³³ Цит. по: Афонасин Е.В. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002, с. 41.

¹³⁴ Wasson R.G. Soma, Divine Mushroom of Immortality. N.Y., 1968, Wasson R.G., Wasson V.P. Mushrooms and History. N.Y., 1957.

Ведическая традиция говорит, что через Сому, властвующего над планетами и созвездиями, можно было взаимодействовать с самим Брахмой. Из-за похищения страстным Сомой красавицы-звезды Тары разгорелась битва между дэвами и асурами (старшими братьями Богов, то есть – дэвов). Этот конфликт стал причиной раскола единой арийской религии на версию дэваическую (почитание дэвов) и асурическую (почитание асуров). Индийская ветвь индоевропейцев оставалась верна Соме, тогда как «асурические» иранцы, сохранившие по сути те же практики достижения экстаза, стали почитать Божество Хаому. При этом тексты Ригведы, описывающие Сому, постоянно делают акцент на коровах, тогда как священные тексты зороастризма говорят о бычьей моче. В результате получалось, что сома была белого цвета, а хаома – золотисто-жёлтого, но в обоих случаях энтеогенное¹³⁵ вещество получали из мухомора.

Поскольку у христоверов ни коровы, ни, тем более, быки в культовую практику не входили, мы посмеём предположить, что хлыстовство, имевшее явные элементы иранской (дуализм и т.д.), равно как и индийской (вегетарианство, гимны Вишну и т.д.) традиций, наследует одновременно им обеим, то есть в каком-то смысле восстанавливает на Руси то единство индоевропейской религии, которое, по подсчётам учёных, было утрачено в середине II тысячелетия до н.э. То, что всё это происходило на (возможно) псилоцибиновой основе, нас не должно сильно удивлять, поскольку на Руси со времён вещего Бояна, «мыслию скакавшего по Древу» и получавшего откровения, существовала древнейшая шаманская традиция. Случай христоверия показателен лишь в том отношении, что именно здесь эта традиция попробовала всерьёз «породниться» с византийским христианством, но попытка этой контаминации была сразу же распознана и подавлена по навету «судебно-медицинских экспертов».

ИСС и динамическая медитация

Второй из существенных причин, по которым во время радения наступали существенные ИСС (altered states of consciousness), были различные психотехники, связанные с быстрым движением. В современном индуизме Ошо Раджниша (которого, кстати, уже не раз пытались сопоставлять с хлыстами¹³⁶) для психотехник этого типа имеется очень подходящее наименование – «динамическая медитация». Этот термин особенно корректен по отношению к

---

¹³⁵ То есть ведущее в мир Богов.

¹³⁶ Например, см.: Беренс Б. Энциклопедия мудрецов, мистиков и магов: от Адама до Юнга. – М.: София, Миф, 2003, с. 551 и др.

христоверам, если вспомнить, что обычная медитация требует статики и концентрации. Выходит, что динамическая медитация либо не медитация вовсе (точка зрения многих противников Ошо), либо такой тип медитативного опыта, который и сам выступает за рамки обычного, и от практикующего требует проделать то же самое. Ошо именуется этот опыт «осознанным безумием», добавляя, что «миллионы людей теряют медитацию потому, что медитация воспринимается неправильно. Она кажется очень серьезной, в ней есть что-то от церкви; кажется, что она — только для людей, которые мертвы или почти мертвы, которые грустны, серьезны, у которых вытянутые лица, которые утратили жизнерадостность, веселье, игривость, способность праздновать». Согласно афористичному определению Ошо, динамическая медитация — это «безумие с методом, оно выбрано сознательно. Помните, вы не сможете сойти с ума по своей воле. Безумие должно в вас поселиться. Только тогда вы можете сойти с ума. Если вы сходите с ума по своей воле, это совсем другое дело. В своей основе вы контролируете, а тот, кто может контролировать даже свое безумие, никогда не сойдет с ума!» Так в чём же состоит это сумасшествие? В своей «Оранжевой книге» Ошо приводит подробное описание разных техник динамической медитации, среди которых многие в точности воспроизводят всё то, что мы видели во время радений. «Динамическая медитация продолжается один час и идет в пять стадий. Ее можно делать одному, но энергия будет более сильной, если её делают в группе. Это — индивидуальный опыт, так что вы не должны обращать внимания на окружающее и держать глаза закрытыми, желательна повязка. Лучше всего заниматься этим на пустой желудок и одеть свободную, удобную одежду.

Первая стадия — 10 минут.

Хаотично дышите через нос, концентрируясь на выдохе. Тело позаботится о вдохе. Делайте это настолько быстро и полно, насколько возможно — а потом еще сильнее, пока вы буквально не станете самим дыханием. Используйте естественные движения вашего тела в качестве помощи в подъеме энергии. Чувствуйте, как она поднимается, но не давайте ей воли в течение всей первой стадии.

Вторая стадия — 10 минут.

Взорвитесь! Пусть все, что нужно выплеснется наружу. Станьте совсем безумным, вопите, кричите, прыгайте, тряситесь, танцуйте, пойте, смейтесь, «выбросьте себя наружу». Ничего не держите про запас, двигайте всем телом. Какое-нибудь небольшое действие часто помогает начать. Никогда не позволяйте вмешиваться уму в то, что происходит. Будьте тотальны.

Третья стадия — 10 минут.

Прыгайте с поднятыми руками, выкрикивайте мантру “Ху! Ху! Ху!” настолько глубоко, насколько возможно. Каждый раз, когда вы приземляетесь на всю стопу, пусть звук глубоко ударяет в сексуальный центр. Дайте все, что у вас есть, полностью истощите себя.

Четвертая стадия — 15 минут.

Остановитесь! Замрите там, где вы находитесь, и в той позиции, в которой оказались в этот момент. Не распоряжайтесь телом никак. Кашель, движение, все что угодно будет рассеивать течение энергии, и усилие будет утрачено. Будьте свидетелем всему, что с вами происходит.

Пятая стадия — 15 минут.

Празднуйте и радуйтесь, с музыкой и танцем, выражая свою благодарность ко всему. Несите свое счастье через весь день.

Если ваше место для медитации не позволяет вам шуметь, вы можете заниматься ею тихо: вместо того, чтобы издавать звуки, направьте катарсис на второй стадии исключительно на телесные движения. На третьей стадии звуком “Ху” можно ударять, произнося его в уме, и пятая стадия может стать выразительным танцем»¹³⁷. Пользуясь терминологией современного индуистского гуру, мы предлагаем отнести часть психотехник радения к разряду «динамических медитаций». В частности это касается описанных Д.Коноваловым *вазомоторных* (то есть, буквально, «сосудодвигательных») движений, проявляющих себя в резком изменении цвета и выражения лиц христоверов, а также в усиленном потоотделении.

Противники любострастия

Другой тип движений, названный Коноваловым «*локомоторным*», представляется нам ещё более интересным. Во время своих радений христоверы нередко пробегали по кругу огромные расстояния и, наблюдая, как «*Дух въяве нисходит*», плашмя падали на пол с тяжеловесным грохотом или молитвенным вздохом. Но перед этим проходила ещё длинная вереница священных жестов, начиная от скаканий и коленопреклонений, и заканчивая «циническими движениями таза». О последних Коновалов говорит следующее: «про-

---

¹³⁷ Раджниш, Ошо. Оранжевая книга. Измерения неведомого. – М., 1991.

тоиерей Зотиков наблюдал на молении прыгунов особенный, исключительный вид "кривлянья телом". "В собрании прыгунов или "духов", – пишет он, – при их действии, женский пол, как бы насилуемый духом бездны, кривляется телом, выдавая оное то вперед, то назад на подобие действий блудниц"¹³⁸. Легко подумать, что в данном случае дело идет о страстных истерических позах или движениях, рельефно отражающих половое возбуждение молящихся сектанток. Действительно, среди страстных поз припадка большой истерии эротические и даже циничные позы или сцены наблюдаются очень часто. Встречаются они и в приступах религиозного экстаза в нашем мистическом сектантстве. Так, некоторые страстные позы и движения, осложнявшие картину молитвенной экзальтации первых малеванцев, "не оставляли сомнения в том, что их субстратом служило половое возбуждение, иногда сопровождавшееся и соответствующими галлюцинациями": "случалось, что среди прыганья и судорог женщины распускали себе волосы, случалось, что по временам кто-либо, особенно из женщин, стремительно бросался к мужчинам с необузданным, продолжительным поцелуем, имеющим свойства страстного, нечистого, чувственного объятия"¹³⁹. Оренбургский хлыст Кожевников, находясь в экстастическом возбуждении, "стал гулять, прохаживаться по келье (моленной)" "с тремя девицами", "целуясь с ними в губы и лаская их"¹⁴⁰. По донесению благочинного Розанова, другой оренбургский хлыстовский наставник Михей Ильин на молениях "обнимал близких к нему баб и девок с видимыми действиями любострастия"¹⁴¹.

О собраниях хлыстов-балабановцев в Оренбурге свящ. Кибардин сообщил (в 1861 г.), что они во время пения и плача "начинают с криками и воплем обнимать и целовать один другую". В одном экзальтированном молении хлыстов Кагальницкой ст. (Дон. обл.), сектанты "обнимались с женщинами и целовались", а на плечах пророка повисла женщина, "целовала его и засовывала ему свой язык в уста"¹⁴². По сообщению Пругавина, некоторые хлысты в

---

¹³⁸ Церков. Вест. 1889, № 30, с. 526.

¹³⁹ Сикорский, Психопат. эпид. 13 ср. Варадинов, История мин. в. д., т. 8, с. 152 ("бесстыдные обнимания и поцелуи" на молениях финских экстатиков Петербургской губернии).

¹⁴⁰ Дело Орен. о. с. о хлыстах Утицких, т. 1, л. 80 об.

¹⁴¹ Дело Оренб. конс. о секте, "странников Божиих", л. 102 об., ср. л. 268 об.

¹⁴² Н. Кутепов, Из современной жизни местного сектантства. // Донские епархиальные ведомости, 1888, № XXII, с. 954–5). Ср. исповедь Балабанова: "Видел я, что Трифон (Богомоллов, древнейший распространитель хлыстовства в Оренб. г.) и все спутники его... женщин и девиц, при всяком свидании, всякий раз, непременно целуют, называя это духовным лобзанием и толкуя, что через это лобзание, как бы через духовный союз, они... привлекают к себе любовь духовных последователей,

экстатическом исступлении "хватаят женщин на руки, любят ими и восторженно восклицают: "Божья красота!"¹⁴³. Далее в хлыстовстве происходили не менее скандальные истории, чем в ашраме самого Ошо Раджниша, доводившего поощрение неформальных духовных практик до прямого карт-бланша сексуальным экспериментам. Разумеется, это не было «развратом ради разврата», но поскольку в мире духовном равенство людей есть пустая иллюзия, многие воспринимали эксперимент как предел, а средство как цель. Нечто похожее происходило и в русском мистическом сектантстве, где реальными мистиками были, как водится, единицы, а все прочие лишь сопутствовали им, отягощая корабли грязной массой своей материи. Кто-то пестовал собственную похоть, кто-то зарабатывал деньги, а кого-то пленяли соблазнительные запахи абсолютного беспредела и вседозволенности. И вся эта человеческая химера отождествлялась с христоверием лишь по ошибке, в полный ущерб светлой идеи, павшей в нечистые воды, с риском потонуть, так и не доплыв до Истока.

«Благословенна душа твоя, зане в ней гнездится разврат!

Она – смарагд величавый, упавший в уличный смрад»¹⁴⁴ – сформулировал ключевую парадоксальность ситуации гений Реми де Гурмон.

Экстаз вулканический, океанический, иллюминативный

Те, кто был способен самостоятельно выплыть из этой мути, совсем не нуждались ни в каких оргиях. Им не нужны были и мухоморы – эти искусственные протезы и костыли экстатического опыта. Но поскольку носителей чистого райского богопереживания не много даже в бесконечных просторах Белой Индии, христоверы проводили различные ритуалы по достижению состояний «Христос-во-мне», то есть божественного экстаза.

У экстаза бывают три лика – это знакомо любому, кто, подобно бенновской героине, «делал свои шаги по кромке берега у пьяного потока, окутывающего душу». Эти лики, нередко сменяющие друг друга, описываются в трансперсональной психологии С.Грофа при помощи понятий: *вулканический,*

которые, после лобзания, как связанные чем-то, охотнее слушают их. Даже иногда видел я, как эти окаянные юроды дают некоторым сосать свой мерзкий язык" (*Вразумление заблудшим*, с. 17–18).

¹⁴³ Миссион. Обозрение, 1904, т. 2, с. 1271.

¹⁴⁴ *Реми де Гурмон. Дурные молитвы. (1900 г.) // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. – М.: МГУ, 1993, с. 147.*

океанический, иллюминативный. У этих трёх типов – своя динамика, каждый из них по-своему интересен, каждый из них можно обнаружить и у гностиков, и у шаманов, и в Древней Индии, и, тем более, в мире русских мистических сект. Начнём по порядку.

Океанический экстаз – это образ безмятежной жизни внутри утробы, образ полной защищённости, космического слияния с миром, умиротворения и гармонии. Такими были экстазы в видениях Рая, переживания космического единства, когда всё существующее воспринималось как неразрывное целое. Опыты подобного экстаза можно найти в любом «пасторальном» язычестве, в традициях миролюбивых народов, возделывающих свою землю. Этот же тип экстаза вдохновлял разные «теллурические», аграрные культы. Прежде всего – знаменитый культ Матери-Земли, от которого в христоверии остался, во-первых, обычай исповедоваться Земле-Матери, а во-вторых, описанное многими очевидцами причащение изюмом (так называемая «литургия подрешетников»). На могилах хлыстовских и скопческих вождей было принято делать лунки и совать туда сухари и бублики – после этого они, как считалось, становились особенно священными. Всё это суть проекции океанического экстаза, рудименты славянского язычества, с его почитанием Земли-Матери и подспудным переживанием мировой гармонии.

Совершенно другой экстатический опыт – это опыт просветления. Когда вдруг начинает казаться, что распахнутое перед «внутренним оком» пространство – огромное, неимоверно бескрайнее и необозримое – всё наполнено ярким сиянием, как правило, небесно-голубого, золотистого или радужного цвета. Это огромное сияющее пространство оказывается как бы продолжением человеческого Я, расширенным и светящимся телом человека. Такой тип экстаза принято называть *иллюминативным*. В православии нечто подобное присутствует в исихазме с его учением о Фаворском Свете, осиявшем Спасителя в момент Преображения. Стяжавшие Святой Дух христоверы именовали Его *“красным солнышком”*, например, в следующем роспевце:

“О велика, други, милость
К нам от батюшки явилась:
Красно солнышко скатило,
Всех лучами осветило,
Теплотою всех оде́ло,
*Сердца наши обогрело”*¹⁴⁵.

---

¹⁴⁵ Барсов Н. Духовные стихи секты людей Б., № 52, с. 84.

Московские хлыстовки, бывшие старицами Ивановского монастыря, на следствии 1745 года «винились, что, бывая на собраниях, они пели стих *“Царю небесный”*, где к словам *“и вселися в ны”* прибавляли: *“красное солнышко Дух святой”*¹⁴⁶. Перед Красным Солнышком, к вере в Которое призывала главная (12-я) заповедь хлыстовства, все христоверы становились единым светящимся телом – плывущим в мирском океане спасительным кораблём. Но в то же время – и это особенно характерно для *иллюминативного экстаза* – братские чувства сменялись по временам совершенно маниакальными поступками, даже – манией величия, как, быть может, это было в случае похвалы «своим» Богом.

Но самым «хлыстовским», одновременно – самым «скопческим», и вообще, самым «русским мистическим» экстазом был, конечно, экстаз *вулканический*. Говоря обобщённо, *вулканический экстаз* – это яркое и красочное переживание, полнейший фейерверк из различных эмоций, разразившийся на грани между болью и удовольствием. В ритуальной практике *вулканический тип экстаза* порождает различные садомазохистские оргии, вплоть до убийства как кровавого жертвоприношения. Усиленная сексуальная оргиастичность, опыты смерти и возрождения, «голгофские» распятия и «ацтекские» вырывания сердец, боль удушья и судороги смерти, предельное напряжение, тошнота и озноб, боль, рвота и жар – всё это принадлежит *вулканическому экстазу* как психическое ощущение, а нередко и как прямое последствие.

Хлыстовско-скопческие радения, с их, условно говоря, «динамической медитацией», с их вопящими пророками, киданием из крайности в крайность и неистовыми, «дервишистскими» техниками вращения – это типичный образец вулканического экстаза, в его самом красочном, самом наглядном исполнении.

«Свальный грех» и чакра-пуджа

Знаменитые истории о «хлыстовском свальном грехе», кочующие из романа в роман¹⁴⁷ и на добрую половину относящиеся к жанру классических наветов,

---

¹⁴⁶ Руднев, *свящ.* Хлыстовщина или христовщина в Московском женском Ивановском монастыре // Московские церковные ведомости, 1896, № 50, с. 657.

¹⁴⁷ Красочные описания развратно-кровавых ритуалов есть у Пимена Карпова («Пламень»), Мельникова-Печерского («На горах») и особенно у Д.С.Мережковского (в романе «Пётр и Алексей»), представившего христоверие как «русское народное дионисийство».

другой своей половиной упираются в круг конкретных индоевропейских ритуалов, о которых здесь нелишне будет немного рассказать.

Групповое неистовство у котла, при котором мужская часть корабля шла по-солонь, а женская – противусолонь, завершалось нередко «тушением свечей», после которого воцарялась Ночь. Групповое совокупление у всех со всеми – немного перефразируя Вольтера – было бы наверняка придумано, если бы не существовало в реальности. Безразличная к истине современная наука, готовая исследовать тот или иной рассказ, не озадачиваясь его правдой или ложью, позволяет нам только наметить одну параллель, возникающую именно на уровне рассказа. Про хлыстов говорили, что в «расхристанном» сексуальном порыве у котла происходила «регрессия в Ночь» – скинув с себя белые балахоны, голые хлыстовки сначала кружили вокруг котла, но затем давали выход своим влечениям в единении с *любыми* членами общины. Внутренний круг мужчин становился внешним, внешний круг женщин – внутренним, и мистерия Ночи завершалась сплошным кружением в полнейшей темноте.

Многочисленные описания такого финала вызывают в памяти конкретные практики тантрического индуизма, относящиеся к так называемой *вамачаре* (то есть «тантре левой руки»). В одном из ритуалов *вамачары* (*vamacara*), носящем название *чакра-пуджа*, несколько десятков мужчин и женщин собирались вместе в ночное время и попарно рассаживались в круге (санскритское *sacra* – это и есть «круг», «колесо»). Они совершали вместе пуджу в честь Шакти, пили вино, ели мясо и перчёные зёрна, отчего следовало усиление полового желания. Затем следовала «майтхуна», или совокупление¹⁴⁸, главным принципом которого было распределение энергий «по цепи». «Вот практика построения *sacra* или «цепей» (буквально – «колёс»), составленных из разнополых пар, расположенных по кругу и совершающих ритуальные совокупления. В середине круга размещался *sakrecvara* со своей *sakti* – он руководит всеми остальными. На эту роль избирался только посвящённый адепт. Цель «операции» – оргиастическое пробуждение «богини», невидимо управляющей участниками. Её движения они и повторяют между собой: в результате образуется «флюидический» или «психический» поток. Магический ритуал завершается на счёт *sakrecvara*: «один, два, три!»¹⁴⁹.

---

¹⁴⁸ *Древо индуизма*. – М.: Восточная литература, 1999, с. 77.

¹⁴⁹ *Эвола, Юлиус. Метафизика пола*. – М.: Беловодье, 1996, с. 326.

Корни индийские и корни шаманские

Говорить, что христоверие было «русской версией индуизма» было бы неосмотрительно как минимум по трём причинам. Во-первых, индуизм как таковой (а уж хлыстовство – тем более) есть религия национальная, не подлежащая «экспорту» и не озабоченная поиском прозелитов. Тот, кто способен понять – тот вместит, но для этого вовсе не нужно ведомство пропаганды. В этом христоверие сродни индуизму, но в действительности оно даже ещё строже – у хлыстов и, в особенности, скопцов, существовала своя «арканная дисциплина», позволяющая «кодировать» наиболее важные понятия веры, психотехник и ритуала. Эти бесконечные кодировочные эвфемизмы собраны в книге Константина Кутепова, с той лишь оговоркой, что это – лишь малая толика того, что было в действительности. В индуизме, а особенно – в кашмирском шивазме, система подобных кодировок также развита до мастерства, и у каждого существенного понятия имеется как минимум десяток синонимов, говорящих лишь понимающим, о чём идёт речь на самом деле.

Во-вторых, русские мистические толки во все века преследовались властью: сначала – греко-православной, синодальной, а затем – безбожной и большевистской, вырубавшей народные традиции на корню. Из-за этого количество дошедших памятников у нас минимально. Не исключено, что «индийских песен», подобных приведённой выше, было намного больше. Сохранились же, например, знаменитые песни ведьм, «чародейские песни русалок», «солнцевых дев» и т.д., написанные на санскрите¹⁵⁰ и циркулировавшие в русской мистической среде, каким-то чудом попав затем в руки этнографов!

Наконец, в-третьих, христоверие было пугающе неоднородным: наряду с глубокими мистиками полно там было и «грибоедов», и просто безумствующих развратников, не нашедших себе места в аскетическом мире церковной ортодоксии. Что же: такова человеческая природа, таковы занозы и сучья того «кривого дерева» (*krummes Holz*), из которого, согласно Иммануилу Канту, когда-то был сделан человек. Вспоминая сюжеты Рая, можно, разумеется, говорить, что хлыстовство, равно как и индуизм, сохранили в себе элементы «ностальгии по Парадизу», тот самый «парадизикальный синдром», который, по версии Мирчи Элиаде, изнутри подогревает очень многие аморальные практики, начиная от нудизма, и заканчивая ... впрочем, не рано ли ещё завершать этот список?

---

¹⁵⁰ *Сказания русского народа*, собранные И.П.Сахаровым: Сб. – М.: Художественная литература, 1989, с. 96.

Гипотеза «общего корня», равно как и теория «индийских корней» соблазняет своей свободой, которая, кстати, упирается в необоснованность. В науке вообще все (или почти все) конечные истины суть постулаты веры. Чтобы избежать однозначных утверждений, приходится называть все вероятные варианты. В данном случае, не исключено и то, что значительная часть психотехник и ритуалов восходит к архаическому шаманству, имевшему на просторах Евразии многотысячелетнюю историю. «Мы ещё встретимся с шаманизмом внутри многих религий, поскольку он всегда остаётся техникой достижения экстаза как прерогатива определённой элиты, составляя в некотором смысле мистическое ядро данной религии. Сразу же напрашивается сравнение с монахами, мистиками и святыми христианской Церкви. Не следует, однако, заходить слишком далеко в этом сравнении; в отличие от того, что наблюдается в христианстве (по крайней мере, наблюдалось в его недавней истории), народы, считающиеся «шаманскими», приписывают существовавшее значение экстатическим экспериментам своих шаманов»¹⁵¹.

Эта знаменитая теория «шаманства вне шаманизма», высказанная Мирчей Элиаде с оговоркой о христианстве, нуждается в том, чтобы, зная главные практики христоверов, такую оговорку снять. Именно христоверие в христианстве есть такая мистическая ветвь, где основанное на экстазе шаманство вне шаманизма пустило более чем глубокие корни. Эти шаманские корни традиции христоверов, кое-как опредмеченные в небольшой статье В.И.Дынина¹⁵², были доведены до абсурда теорией С.А.Токарева, выведившего вообще все религии из некоего¹⁵³, самому ему непонятного, шаманизма. Это – как раз тот самый универсалистский подход, от которого нам бы хотелось уклониться, чтобы, передав основные аргументы Дынина, дополнить их собственными соображениями.

По своей структуре техника радения (ключевого ритуала традиции христоверов) поразительно напоминает ритуалы камланий, и от этого никуда не деться. Целью также является путешествие в мир духов, а «вселение» Духа в радующего, также, как и в камлании, проявляет себя всегда одинаково: это рыдания, смех, конвульсивные движения, галлюцинации, бессвязные выкрикивания, возгласы, потеря сознания и т.п. Прослеживаются аналогии раде-

---

¹⁵¹ Элиаде Мирча. Шаманизм: архаические техники экстаза. – К.: София, 2000, с. 23.

¹⁵² Дынин В.И. Пережитки шаманизма в культовой практике «духовных христиан» (XVIII – XX века). // Исторические записки: Научные труды исторического факультета: Вып. 2. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1997, с. 178-184.

¹⁵³ Токарев С.А. Религия в истории народов мира / Общ. ред. и предисл. А. Н. Красникова. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Республика, 2005, с.

ний с так называемыми «большими камланиями», которые сибирские шаманы устраивали осенью и весной. Вот как проходили «большие камлания» у тунгусо-маньчжурских народов Амура: «Обряд начинался рано утром, когда по всему селению шествовал шаман со свитой... Обряд начинался танцами нешаманов... Надев шаманский пояс, взяв в руки бубен, простые люди пританцовывали, вращая бёдрами... поочерёдно обходили помещение под оживлённые комментарии и смех собравшихся. Танцевать должны были не менее девяти человек – мужчины, женщины разных возрастов... Затем камлал шаман... После посещения шаманом каждого дома, его свита увеличивалась, присоединиться к ней мог любой... Танцевали люди из свиты шамана, мужчины и женщины. Шаман в это время непрерывно бил в бубен»¹⁵⁴.

Некоторые подсказки даёт нам и география: ареалы распространения хлыстовской кликоты странным образом примыкают к исконным территориям распространения шаманизма. Обыкновенная статистика, такая безвкусная и поверхностная наука, говорит, что наибольшее число подверженных кликоте мистических сектантов всегда проживало на территориях, граничащих с «шаманскими местами». Чем дальше на Северо-восток европейской России – тем ближе к шаманам и тем больше страдающих «смехорыданием» и «икотной скорбью». По словам русского этнолога С.В.Максимова, «икотою страдает верная четверть всего женского населения по правую сторону от реки Северной Двины»¹⁵⁵...

Особенно заметное совпадение наблюдается в сфере конкретного опыта и переживаемых состояний. Смех, конвульсивные движения, зевота и многие другие моменты хлыстовского экстаза в полном объёме присутствуют также и в шаманизме, сходство конкретных практик зачастую бывает поразительное. «В одном молитвенном собрании Амурских прыгунов, сектантка “в изнеможении, продолжая тихо кружиться, начала кричать: ха! ха! ха! дух! дух! дух! вот — он! вы его не видите?” (“Хохот – признак, что пляшущая видит св. Духа и озарена Им”). Эта сцена очень напоминает описанное Крашенинниковым камлание шаманки у камчадалов: она “призывает бесов к себе словами

---

¹⁵⁴ Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение. Народы Нижнего Амура. – М.: Наука, 1991, с. 175-176.

¹⁵⁵ Максимов С.В. Год на севере, изд. 4, М., 1890, ч. 2, с. 587, 580. Ср. Ончуков Н.Е. О расколе на низовой Печоре, СПб, 1902, с. 12.

“гушь, гушь” и скрежещет зубами; а как явится привидение, то, захохотавши, кричит “хай, хай”»¹⁵⁶.

Христы и Богородицы у хлыстов суть для них такие же духовные авторитеты, как и шаманы – для шаманистов. На них тоже «накатывает Дух» и они тоже дают откровения. Более того, во время хлыстовского радения совершается предсказание сначала «общей судьбы», а затем – «частной судьбы». Эти импровизированные пророчества возглавляются «кормчим» хлыстовского корабля (главным пророком) и состоят из порывистых изречений. Во время предсказаний судьбы пророки могут угадывать мысли других, предсказывать, кого из присутствующих в скором времени возьмут под стражу, кто подвергнется истязаниям за веру или у кого родится ребёнок. Точно также и шаманские «камлания часто специально устраивались исключительно для получения необходимых сведений о перспективах предстоящего промыслового сезона или каких-либо иных начинаний»¹⁵⁷. Это пророчество составляет третий аспект «троечастного радения», о котором мы говорили выше. В.И.Анучин добавляет также, что у шаманов такого же рода камлания суть «чистейший спиритический сеанс». Подобно радению, совершались они тёмной ночью в специально для этого предусмотренном чуме¹⁵⁸.

Гипотеза «шаманских корней» отчасти подтверждается также на уровне используемой образности. Одежда и посох шамана часто украшены орнитоморфными изображениями – это бывают либо настоящие птичьи перья, окаймляющие одеяние, либо символические рисунки различных птиц, вышитые на бубне или балахоне. Любопытно, что в культовом лексиконе скопцов «птичьи» прозвания являются одним из центральных элементов: такие слова как «кукушечка», «голубок» или «голубка» составляют отличительную особенность скопцов. Знаменитый роман Андрея Белого про эту мистическую секту так и называется – «Серебряный голубь». Голубками скопцы именовали и друг друга, и даже посторонних, воспринимавшихся в качестве потенциальных скопцов. Как говорили сами скопцы, после «убеления» женщина превращалась из «пегой кукушки» в «белую голубку»...

Безусловно, в культовой практике восточнославянских народов обнаружить шаманские элементы было бы нелегко. Различные гадательные практики,

---

¹⁵⁶ Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Часть 1. Выпуск I. Физические явления в картине сектантского экстаза. Сергиев Посад. Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры. 1908.

¹⁵⁷ Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. – М.: Вост. лит., 2004, с. 133.

¹⁵⁸ Анучин В.И. Шаманские камлания // Шаманизм народов Сибири, с. 241.

исцеление от тяжких недугов посредством заговоров и заклинаний, ворожба и прочие формы предсказания будущего – все эти ритуальные формы, традиционно находящиеся в ведении шаманов, присутствовали и в традиции восточных славян¹⁵⁹. Однако при этом традиция наших славянских ведунов отличается от традиции шаманов весьма существенно. Говоря языком «Хроники Ура Линда», вся религия восточных славян – это «религия Белой Фрейи»¹⁶⁰, наследующая борейскому пантеону северных арьев. Кроме того, по всем своим показателям, религия восточных славян – это религия абсолютно индоевропейская, обращенная напрямую к Высшим Мирам. В отличие от славянского ведовства, шаманизм обращен также и к нижнему миру: полидемонизм и множество низших духов, к помощи которых обращается каждый шаман, был для Древней Руси неестествен: все эти низшие миры признавались, однако выше Рода не было ничего. Род – это единое Древо, перемещающаяся по ярусам которого русские ведуны (например, описанный в «Слове о полку Игореве» вещий Боян) актуализировали свою родовую память – безграничный фонд вневременной мудрости, делающей ненужным контакт со множеством духов и сущностей. Открывая доступ к собственной родовой памяти, древнеславянские ведуны обретали знание того, что было, будет и есть, не говоря уже о различных способностях к исцелению, превращению и предопределению.

Совпадающие в деталях (на уровне психотехник и результатов), шаманизм и «фрейевское» ведовство исходят из совершенно разных духовных и расовых оснований, имеют различные корни. Это необходимо учитывать, прежде чем делать скоропалительные выводы об их внутреннем тождестве в составе некоего мифического «древнеславянского шаманизма»¹⁶¹, проповедью которого в данный момент занимаются даже славянские неоязычники¹⁶². Правда здесь может лишь в разыскании мистических архетипов, сопоставлении ритуалов и психотехник, которые, в действительности, и составляют сущность любой религии «чистого опыта».

---

¹⁵⁹ Райан, В.Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России. – М.: НЛО, 2006. Смелянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. – М.: Индрик, 2003.

¹⁶⁰ Вирт Герман Феликс. Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы. / Пер. с нем. Кондратьев А.В. – М.: Вече, 2007. – 624 с.: ил. – (Ariana Mystica).

¹⁶¹ Мороз Е.Л. Следы шаманских представлений в эпической традиции Древней Руси // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л.: Наука, 1977, с. 64-72.

¹⁶² Велимир. (Сперанский Н.Н.) Шаманский дар волхвования. – М.: Ладога-100, 2005. Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. – СПб: Евразия, 2004.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).